

Николай Старинщиков

Дамба

Никто, кроме нас

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Николай Старинщиков

Дамба

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Старинщиков Н. А.

Дамба / Н. А. Старинщиков — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Бывший омовец Шубин, оказавшись на пенсии, охраняет бетонную дамбу — в тишине, вдалеке от людей. О такой работе можно только мечтать — кругом лишь вода и камень. Самое то для человека на пенсии. Тимофеич тоже так думал, пока не попал под катер... Содержит нецензурную брань.

© Старинщиков Н. А., 2019

© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	17
Глава 4	22
Глава 5	24
Глава 6	29
Глава 7	35
Глава 8	41
Глава 9	46
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Глава 1

Речное круизное судно шло с низовьев Волги долгих две недели, и молодой человек весь изнемог, бродя с палубы на палубу. Кажется, за это время он изучил не только устройство теплохода, но и запомнил всех пассажиров. И если бы не случайное знакомство, Алик проклял бы тот день, когда впервые ступил на палубу. Новая знакомая на очевидные ухаживания отвечала взаимностью, однако не желала с ним оставаться один на один в каюте.

И вот он, конечный пункт. Казалось бы, Дарья должна обрадоваться, увидев приметы родного города, однако не радостно ей.

– Что с тобой, Дашенька? – интересуется Алик. – Тебе плохо?

– С вещами поможешь?

Алик удивился вопросу. Он не только с вещами поможет, но и в автобус посадит, и ручкой помашет. А вечером, как условились, придёт к ней домой – надо лишь собственные дела утрясти.

Дарюшка с трудом улыбнулась, оттаяла. И даже чмокнула Алика в щёку.

Они сошли с теплохода. Алик нёс кучу дамских сумок и свою, единственную, с ляжкой через плечо. Дарья села в автобус и смотрела оттуда на окружающий мир, в центре которого находился лишь Алик. Из тёмной иномарки выбрался элегантный мужчина в сером костюме, подошёл к Алику и обнял, прикасаясь щекой к щеке. Несколько раз. Это походило на ритуал.

Молодой человек затем обернулся к автобусу и махнул на прощанье рукой. И Дарья опять удивилась, заметив холодный взгляд. Странная метаморфоза случилось с её попутчиком: он только что клялся, что влюбился с первого взгляда, что жить без неё не может, – и вот этот взгляд, до крайности безучастный...

Автобус дёрнулся, пошёл на подъём, виляя по серпантину. Поднялся в гору, повернул на главную улицу и сделал первую остановку. Дарья здесь выбралась из него, пересела в маршрутное такси и через сорок минут была уже дома.

– Как доехала? – радовался отец. – Не донимал ли комар ночами...

– Слава тебе... – бормотала мать. – Целый месяц. Одна... Действительно, как ты?

Дочь промолчала. Бросила сумки в прихожей, прошла в спальню и упала на кровать:

– Устала. Потом...

Мать взяла под локоть отца и вывела из комнаты.

– Не приставай. Видишь, она не в себе.

Они прикрыли за собой дверь, отправились на кухню.

А поздним вечером, когда по асфальту ползли длинные тени, в квартиру позвонили. Мать бросилась к выходу, опередив остальных: за порогом стоял молодой человек и застенчиво улыбался.

– Это вы? – спросила она незнакомца.

– Это он, – подтвердила Дарья.

Она подхватила Алика под локоть и провела внутрь квартиры.

– Прошу знакомиться...

Радоваться, впрочем, особенно было нечем: в зале стоял обычный клоп лет за тридцать, круглолицый, нос картошкой, в бороdice и с глазами навылупку.

Спрашивается, как на такого можно было запасть? Отец совершенно расстроился: интересная партия складывалась между переводчицей и неизвестно кем.

Отец у Алика в последнее время жил, можно сказать, легально – у него была теперь и работа, и даже квартира. Дверь бы вот только в квартире подкрасить или совсем заменить – об неё словно когти точили.

– Работать здесь можно, – говорил отец.

Алик смотрел и не узнавал бывшего подполковника. Куда девалась былая прыть? Словно в песок ушла. Перед этим была война. Отец в ней участвовал. Потом, когда всё закончилось, он уехал с Кавказа, но не исчез, не пропал бесследно. Зато изменил фамилию, имя и отчество.

– Как там мать? – спросил отец.

– Ничего, – ответил Алик. – Ждёт тебя каждый день.

– Ты сказал ей, что едешь ко мне?

– Нет...

– Это ты правильно сделал, – похвалил отец и вспомнил про старую притчу: – Женщина обязана ждать своего джигита. Таков закон. Так было всегда...

Сын по привычке слушал, не возражая. Мать дожётся отца. Мать крепкая и верная, хотя сильно страдает от одиночества.

– Выслал бы денег... – напомнил сын. – Она без работы.

– Никто не должен знать, что я жив. Вышлю потом. Позже.

Они замолчали, а потом отец вдруг продолжил:

– Познакомились, значит, на теплоходе? И ты хочешь на ней жениться? Что ж, одобряю – над головой будет хотя бы крыша, потому что другого выхода нет.

Сын качнул головой в знак согласия.

– У меня здесь бизнес, – говорил отец. – Тебе надо привыкнуть к реке.

Молодой человек напрягся. Вода – это что-то новое.

– На реке свои правила, свои возможности... – учил отец. – Придётся осваивать катер. Пройдешься вдоль дамбы, осмотришься...

– Действительно. Надо попробовать, – ухмыльнулся сын. И добавил с сарказмом: – Вдруг улетать придётся.

– Не надо шутить. – Лицо у отца потемнело. – Ты взрослый человек и должен понимать, для чего нас сюда послали.

– Извини...

– Нам поверили, а доверие надо оправдывать. Каждый день. Каждую минуту...

Шубин Николай Тимофеевич лет уж пять работал на дамбе охранником, отслужив перед этим положенный срок в МВД. Работа оказалась не бей лежачего, в отдалении от города, в тишине, у воды. Короче говоря, на природе. Коллектив тоже пришёлся ему по вкусу: здесь были сплошь свои, за исключением некоторых. И, главное, здесь можно было рыбачить в свободное время.

Дамба в виде громадной бетонной дуги упиралась в высокий берег Заволжья, обнимая посёлок и старый завод, из-за которого когда-то пришлось строить саму дамбу, поскольку, если б не дамба, то завод и посёлок пришлось бы переносить в другое место, уступив место дикой воде.

Шубин знал эту историю не хуже других, включая подробности строительства дамбы и прочие обстоятельства: под воду ушли заливные луга, пашни, леса, деревни, посёлки, церкви, колодцы, мельницы и погосты. Дикая идея получить электричество, затопив полстраны, оказалась сильнее здравого смысла. Те, кто продвигал эту идею в жизнь, были явно не в себе. Именно так. Потому что замахнуться на великую равнинную реку мог лишь полный дурак.

Это было очень давно, и теперь оставалось пользоваться тем, что осталось. Шубин стоял по грудь в воде, метрах в двадцати от дамбы, держа в руке удилище. Слева и справа темнели мосты – Старый и Новый, недостроенный. Его строили уже добрую четверть века, но конца этой стройке пока что не было видно. За рекой, на крутом косогоре, возвышались дома старого города. И всё это навевало тихую грусть. Шубин стоял среди воды, держа в руках удилище и любуясь закатом. Сбоку виднелся Пальцинский остров. Деревни Пальцино давно нет, а остров остался. Теперь это была особо охраняемая зона, поросшая сосновой гривой, ивовыми кустами и заселённая всяческой живностью, среди которой особое место занимала чайка-хохотун.

Шубин собирался уже уходить, потому что добытой рыбёшки было достаточно, чтобы заварить к ужину приличную уху – на весь караул, ведра на полтора. Варка ухи превратилась в обычай, к ней привыкли и уже не могли без неё обходиться – для того и выделяли с этой целью одного и того же стрелка Тимофеича. Заводское начальство знало об этом, временами ворчал, но сделать ничего не могло: народ хотел свежей ухи, более того, имел право на вкусную и здоровую пищу, которой, как ни крути, завод обеспечить не мог – он и зарплату платил с большим нарушением. Впрочем, как обстояли дела по поводу ухи в других сменах, Тимофеич не знал. Он вообще не интересовался этим вопросом.

Со стороны Старого моста между тем донёсся звук лодочного мотора и показался катер. В нём виднелись два человека. Их головы едва возвышались над бортом. Тимофеич не верил своим глазам: катер приближался к нему. Вероятно, он целился в пространство между человеком и берегом.

«Обкурились...» – подумал Тимофеич, понимая, что катер летит теперь на него. Поджав под себя ноги, он распластался у самого дна. Катер пролетел над ним, ударив мощной струей в спину. Тимофеич, бултыхаясь, поймал ногами твердь, оттолкнулся в стороны дамбы и поплыл, стараясь изо всех сил.

Едва соображая, он выбрался на берег. Бамбуковое древко на тонком шнурке тянулось за ним. Шубин ухватился за удилище и стал крутить рычажок спиннинга. Выбрал почти всю леску: около берега металась серебристая рыбина со светлым брюхом и тёмной спиной. Это оказалась щука.

Шубин перехватил леску руками и выдернул хищницу из воды. Потом ухватил поперёк хребта, ополоснул в воде и пошёл к вершине дамбы, с трудом шагая в наполненном водой рыбацьем костюме.

Наверху он сунул добычу в мешок, повалился на спину и задрал кверху ноги. Дождлся, когда стечёт вода, расстегнул ремень и с трудом стянул с себя резиновые «колготки».

– Гардемарины грёбаные! Чтоб вам обосраться в людном месте! Чтоб вам топляк подвернулся!..

Шубин хотел ещё как-нибудь выругаться, но подходящее слово не подвернулось. Он кинул на плечо рыбацьи принадлежности, мешок и отправился по дамбе в караульное помещение в одних носках. На спине временами дрыгалась зубастая добыча.

Тимофеича лихорадило. Кто бы мог подумать, что придётся искупаться.

– Разъездились, паразиты... – громыхнул он снова, подходя к центральному посту и собираясь шагнуть с дамбы в низину – в караульное помещение, к теплу и чаю. Однако проскользнуть не удалось.

– Стой, кто идет? – окликнули его от поста. В дверях стоял Пашенька Недобайлов.

– Своих не узнаем? – обиделся Тимофеич.

– Поймал, что ль, маленько? – спросил охранник, выставив ногу через порог и шмыгая здоровенным носом.

– Видал, чё деется!.. Прямиком, нечистый дух, пронеслись.

– В катере, что ли?

– Но! Теперь сушится бегу...

Тимофеич ступил под косогор и вдруг разбежался, собираясь согреться. Он подбежал к караулке, дёрнул на себя дверь, заскочил в подсобку и стал раздеваться. Только бы не увидели мокрым. Наловил, скажут, рыбки?

Он не успел сбросить с себя штаны, как на пороге возник начальник смены Андрей Набоков. Тощий, как палка. Рыжие волосы аккуратно причёсаны. Андриюша вытащил сигарету, закурил.

– Поскользнулся, что ли? – спросил, хотя явно знал наперёд всю историю от Паши. Не мог тот не сообщить с поста об интересной истории.

– Говорю, черти катаются, будто у них там дорога, а мы для них обочина.

– Есть во что переодеться?

– Да было тут кое-чего...

Тимофеич вынул из своего шкафчика брюки, бельё. Сухие носки. Зимние ботинки. Быстро переоделся. Под брюки надел тонкое трико.

– Ты бы меня не ставил пока, Лександрыч, – попросил он жалобным голосом. – Вдруг они опять захотят к берегу?! Так я за себя не ручаюсь...

Начальник караула уставился в потолок. Чтобы заменить человека, надо с постами договариваться, диск телефонный крутить. Кому охота торчать на посту лишнее время.

– Должён буду, – намекнул Тимофеич.

– При чём здесь это... – Андриюша дернулся у косяка.

– Утречком, после смены...

– Позвоню Недобайлову. Он же видел тебя – должен понять...

Набоков развернулся и пошагал к себе в кабинет.

Тимофеич вытащил ко двору мокрую одежду, повесил на забор. К утру, должно быть, подсохнет, или хотя бы вода стечет.

Покончив с одеждой, Тимофеич пришёл в помещение отдыха. Свободная смена скрипела кроватями. В углу работал телевизор. Диктор говорил про Мавроди: суд приговорил того за подделку документов.

– Добрались! Наконец-то! – Саня Голубцов закашлялся от прилива чувств.

– Дался он вам, – скрипнул пружинами Вася Юдин. – Мавроди – святой человек. Ему сказали: «Развивайся, как можешь...» И теперь же его обвиняют...

– Ну, ты даешь, Вася, – не согласился с ним Голубцов. – Раньше давно бы разделались как повар с картошкой... и посадили бы.

– Жопой на кактус, – согласился с ним Вася. – Чтоб изворотливей был.

Тимофеич лёг поверх одеяла и вытянул ноги.

– Говорят, тебя смыло? – повернулся к нему Юдин и произнёс для всех: – Вот вам ещё одна жертва несправедливости.

Шубин с трудом молчал. Надо ещё разобраться, кто здесь жертва.

– Что молчишь, Тимофеич? – лип к нему Юдин. – Говорят, там эсминец прошёл, и тебя это самое...

– Спи! – оборвал его Шубин. Он повернулся на бок и потянул из-под себя одеяло.

– Скоро с дамбы начнёт смывать, и никому это не надо... – ворчал Голубцов. – Куда ни кинь – всюду одна демагогия...

Тимофеич натянул одеяло на голову и задремал. Подобные разговоры сегодня ему не с руки. В следующий раз, доведись, поспорит...

В четвертом часу его разбудили. Набоков стоял, согнувшись, над кроватью.

– Проснулся? – шептал он. – Иди на пост. У Паши живот закрутило. И это... Ухи, если хочешь, хлебни.

Тимофеич провёл ладонями по лицу. Пригрелся под одеялом, а тут – иди на холод. Он встал, подошёл к оружейной комнате, взял карабин.

– Пишите письма... – и скрипнул дверью.

Снаружи было прохладно и ветрено. Охранники на дамбе менялись самостоятельно. Прибыл на пост – доложи по телефону. Час прошёл – опять звони. Чтобы знали, что жив, что не смыло волной. На счёт волны – это, конечно, лишнее. Охранника водой никогда не смоешь, если, конечно, сам в воду не свалится.

Тимофеич приблизился к центральному посту.

– Стой, кто идет?! – послышалось оттуда.

– Захворал, что ли?

– Ой, не говори, – запел Паша. – Вроде ничего не ел особо, а тут и начало. Бывает же пакость, что даже небо с овчинку кажется.

Паша продолжал бормотать, словно не с ним только что казус случился. Как видно, он сбегал в кусты – и назад. А тут и вовсе отлегло.

– Руки помыть не забудь... – напомнил Тимофеич, отворачиваясь к окну.

Ветер крепчал. Волны набегали на бетонный откос и скатывались.

– Тогда я пошел?..

– Ступай. Пост принял...

Шубин оглянулся по сторонам, посмотрел вдоль дамбы. Пустынно кругом. Светят редкие фонари. Больше половины ламп не работают. Каждое утро начальники смен отмечают об этом в суточном журнале, однако всё остается по-прежнему. Люминесцентные лампы дорого стоят, а в кармане у завода пусто. И у мэрии пусто, не говоря о тощем районном бюджете.

Шубин закрыл изнутри дверь, посмотрел на часы и выключил освещение – так легче наблюдать за объектом. Главное – не пропустить проверяющего. Обычно приходит директор службы безопасности Осадчий либо его заместитель Ахмеров. Начальник ВОХР Зелинский, которому напрямую подчинялась охрана, являлся на дамбу довольно редко.

Тимофеич присел к столу и уставился в окно. Слева мост. Справа мост. За рекой, в четырех километрах от дамбы, темнел противоположный крутой берег. Словно восковое, светилось над ним здание мемориального комплекса.

В кирпичной будке имелось целых два этажа: верхний был построен для обзора, с четырьмя окнами – по одному в каждой из стен. Нижний этаж предназначался для обороны. Здесь глядели из стен небольшие окошечки, похожие на квадратные воронки – из них можно вести огонь под большим углом. Изнутри окошки забраны листовой сталью и закрываются на шпингалеты.

Когда-то давно на дамбе стояли деревянные будки, на манер собачьей конуры, в которой помещался всего один человек. Второму приходилось бегать снаружи, поскольку посты были парными.

Будки давно снесли. Посты сократили до одного человека. Да и сама охрана стала другой. Когда-то инженерные сооружения охранял милицейский взвод, насчитывающий до пятидесяти человек личного состава. Укрупнённый был взвод. И подчинялся он местному отделу внутренних дел.

Нет того взвода давно: завод отказался платить полиции за его содержание и создал свою охрану. Зато Тимофеич, оказавшись не у дел после службы, вспомнил про дамбу, пришёл в отдел кадров на завод, поговорил с начальником ВОХР, и его приняли. Работать здесь можно. Руководство к охранникам лояльно – лишь бы не спали да не пили на посту. Даже на рыбачьи снасти закрывают глаза. Мухобой – он ведь тоже человек...

Мухобой, мухобой, мухобоище. Тоже. Человек... Тимофеич неожиданно задремал, дёрнул во сне головой и проснулся. Затем поднялся с насиженного места и пошёл внутри помещения, словно рассерженный кот, из угла в угол.

Он вовремя заметил фигуру Осадчева – тот выплыл из тумана и направился к посту.

Тимофеич распахнул окно, выставил карабин:

– Стоять! – Пальцы ухватились за рычаг затвора.

Осадчий остановился. Посмотрела на часы.

– Не двигаться! Руки вверх! Ноги шире плеч... Пароль...

– Ударник.

– Проходи, я затвор...

Осадчий продолжил путь. Тимофеич спустился вниз, открыл перед ним дверь.

– Всё нормально, товарищ полковник.

– Что ж, замечательно... Ахмеров, случаем, не приходил?

– Пока что не было.

Начальник вошёл внутрь.

– Что нового? – спросил.

– Да как вам сказать...

– В отдел к нам не собираешься?

Тимофеич внутри себя опять удивился. Как можно этого хотеть, когда зарплата в отделе меньше, а обязанностей больше? Да и работать там надо каждый день.

– Ты подумай. Должность старшего инспектора до сих пор вакантная. Нам нужен работник с опытом.

Тимофеич обещал еще раз подумать.

Полковник запаса развернулся и вышел из помещения. За порогом остановился и произнес:

– Карабин не советую высовывать из окна. Хоть и высоко, а всё-таки выхватить могут. Ухарей развелось...

Сказал и отправился дальше по дамбе. Та ещё тоже птица. Офицер ФСБ как-никак, хотя телосложения абсолютно невзрачного. И лицо у него такое же – как обмылок. Волосы вроде бы чёрные, лоб высокий, а вот глаза слегка вроде как шурются. Сразу видно: лукавый, зараза. Прилип с вакансией, как банный лист к заднице.

Тимофеич радёхонек – опять отбодался от вакансии. Была бы она привлекательной, её давно бы заняли. А раз так, то выходит, что никому эта должность не нужна. Тимофеич даже начальником смены не хочет идти, потому что отвечать за других ему теперь, увы, не хочется. Нервоотрёпная служба давно позади, так что не следует напрягаться.

Закрыв дверь, стрелок поднялся на второй этаж, встал возле окна, провожая взглядом фигуру в тумане и копясь в мозгах. Встретил недавно сокурсника, Юру Буханцева. Тот майором ушёл со службы. Улыбка – от уха до уха. Физиономия красная. Слегка под мухой. Нос в синеватых прожилках. Поздоровался и давай хвалиться, как ему хорошо адвокатом в первой коллегии. После учёбы он попал в следственный аппарат. Отсюда у него опыт и связи. Он заранее знал, куда лыжи свои наострить. Тимофеич об этом не знал – куда послали, туда и пошёл. А послали его в УВД, а оттуда – в ОМОН. В итоге – полнейшая дисгармония в юридической части, поскольку совершенно невосприимчив к бумагам. Таких юристов сплошь да рядом. Куда ни кинь – всюду лица на вахтах знакомые чудятся...

Тимофеич отстоял свои часы. Последний час тянулся особенно трудно. Минута цеплялась за минуту, совершенно не желая двигаться.

Наконец из караульного помещения дружно выпала новая смена. Она ведёт себя так, словно предыдущая им крепко задолжала: инвентарь принимают чуть не по описи – телефонный аппарат один, стол один, жезл для остановки транспорта один, рация одна... Стекла в окнах ещё бы пересчитали, но пока что до этого никто не додумался. Больше придраться не к чему, поэтому выдавливают из себя, как из тюбика с зубной пастой: «Можете быть свободны, господа мухобои...»

Завтра повторится то же самое, но только с ними самими.

Николай Тимофеич вернулся в караульное помещение, сдал карабин и патроны. Расписался в суточной ведомости. Потом собрал в кучу подсохшие вещи, свернул и положил в рюкзак. Туда же сунул, вынув их холодильника, пойманную вечером щуку.

– Ну что, тронулись помаленьку?

Андрюша Набоков поднялся из-за стола. Теперь он сложил свои полномочия. После этого он для всех друг, товарищ и брат. А сам поглядывает в сторону Шубина – не забыл ли тот про своё обещание?

Но Тимофеич помнил об этом. Он посмотрел в его сторону и произнёс краткую речь:

– Поехали.

Выгнал за ворота машину и стал терпеливо ждать, пока все рассядутся. Кроме Тимофеича, в машину влезли Набоков, Голубцов и ещё Недобайлов Павел. Когда Пашенька сидит в машине – пятому в машине делать нечего. Не вписывается пятый в интерьер.

Шубин тронулся с места и через полчаса оказался на Верхней Часовне возле дома Сани Голубцова.

– Саня, мы без тебя не можем сегодня, – сказал Тимофеич. – Ты нам нужен.

Голубцов вскинул брови. Тимофеич протянул ему сотню.

– И хлебца с колбаской прихвати, если можно, – пустил ему вслед Недобайлов.

Саня ушёл и вскоре вернулся.

– Извините, колбаски нет – только хлеб, – сказал он. Протянул сумку Тимофеичу, а сам назад двигать намерился.

– Так не пойдет, Саня, – уцепил его за рукав Шубин. – Садись в машину, а то я обижусь.

Саня снова вскинул бровями. Почему не сесть, если приглашают. Тем более что гараж у Тимофеича не так далеко.

– Предупреждаю, – проговорил Тимофеич. – По домам развозить никого не буду: влейтишь под иномарку – потом корячься...

Мужики понимали. Мало того, что будешь на дядю горбатиться – квартиры лишат.

– А что... – ворковал на переднем сиденье Набоков Андрюша. – Отымут, и ничего не попишешь.

– Я вообще люблю пешочком пройтись, – планировал Паша.

Они прибыли к гаражу и отворили ворота.

– В погреб полез! Не свалитесь! – предупредил Тимофеич. Опустился, достал банку огурцов пополам с помидорами. Открыл холодильник и вынул оттуда вяленой рыбы пучок. Все-таки хоть и мягкий продукт у Сани Голубцова, но выпивать без закуски – это не по-людски.

Расстелили на столе газету. Нарезали хлеб. Помидоры с огурцами положили в чашку. У Тимофеича вообще гараж укомплектован на эту тему. Наполнили рюмки.

– За тебя, Тимофеич! – Начальнику смены не терпелось выпить. – Короче, с рождением... Или, точнее, с крещением.

Андрюша лучше всех понимал: не досчитайся они утром охранника, всю смену потом затаскали бы. А начальника смены – в первую очередь.

– А меня сегодня скрутило, – вспомнил о своём несчастье Паша Недобайлов.

– Иди, Паша, руки помой! С мылом, – велел Набоков. – Здесь у нас все-таки люди сидят. – И посмотрел тёплым взглядом в глаза Тимофеичу.

Недобайлов послушно опустил рюмку и кинулся к умывальнику. Дело серьёзное. Мало ли чего.

– Вот теперь поднимем, – продолжил Набоков. – Не ходи больше, Тимофеич, на рыбалку. Обойдёмся мы без ухи...

Мужики выпили, стали закусывать.

– Жаль, мужики, колбасы нет, – оправдывался Тимофеич.

– Вот колбаса, – говорил Набоков, показывая пальцем на резанный хлеб. – Какие могут быть ещё колбасы. Они развращают современного человека.

Тимофеич отломил корочку хлеба, изжевал и проглотил. Следом отправил помидору.

– Думал, винтом изрубит, – вспомнил он. – Налили шарики и летят...

– Теперь всё можно...

– Я им устрою в следующий раз...

Но мужики не согласились. Едва ли подобный маневр когда-нибудь повторится. Пройдёт и забудется, как вылетают из памяти кошмарные сны.

Тимофеич снова налил. Торчать в гараже можно хоть до вечера, но у каждого свои заботы. Три дня пролетят, а там – вновь на работу. На целые сутки.

Они выпили. Закусили. И стали собираться домой.

– А по бетону зелень уже пошла в воде, – вспомнил Шубин. – Склизко...

Они закрыли гараж. Тимофеич набросил замки. Охранники, кому направо, а кому и налево, – разбежались, как тараканы. Тимофеич пошёл напрямую тропинкой к дому. Ему ближе всех. Каких-нибудь пятьсот метров.

– Назад! В осиное гнездо!.. – бормотал Тимофеич, приближаясь к подъезду.

Вошёл в квартиру – там пыль до потолка. Дочь с зятем сцепились. Алик не ночевал дома две недели. Явился – и всё пошло с опережением графика. Зять строил теперь из себя крутого восточного парня, хотя Тимофеич давно знал, кто тот на самом деле. Не мужик, а коза из носа.

– Прекратите балаган, – сказал Тимофеевич. – Я устал и хочу отдохнуть...

– Кто ты такой, чтобы требовать? – выдал вдруг Алик. – Я, допустим, за своё здесь потею...

«Приехали!» – удивился Тимофеич.

Не прошло и года, как зять превратился в смотрящего по квартире. Дочь перед этим долго и тщательно подбирала спутника жизни – и вот результат. Теперь у самой крыша едет.

– Права у нас равные, – гундел зять. – Я прописан в квартире...

Тимофеича знобило от слов проходимца: тот не приносил в дом ни рубля.

– Послушай, куда ты всё рулишь? – Тимофеич едва держался, чувствуя, как наливаются жилы на лице, как бьётся в них усталая кровь.

– Куда надо, туда и рулю!

– Вон отсюда! – не выдержал Тимофеич. – У тебя две секунды. Раз...

Он разбирал мешок. В руках оказалась щука. Она всю ночь пролежала в холодильнике и порядочно задубела.

– Ой, мне уже страшно. – Алик повернул к Тимофеичу лупоглазое лицо и хлопал наглыми ресницами.

– Папа, не вмешивайся в нашу жизнь! – визжала дочь.

– Коля! Коля! Они расписаны! – дергала за рукав жена. – Разберутся без нас!

Но было поздно. Тимофеич запряг своего «коня», и тот нёс его напрямик по коридору – навстречу к наглой физиономии. Щучья голова, обернутая сухой тряпкой, подвернулась вовремя – она не скользила в руке.

– Змеёныш...

Задубелая щука прилипла к овальной щеке, так что голову у зятя отбросило в сторону. Тимофеич успел повторить пару раз. Зять пытался ударить его в лицо, но не успел: коротким ударом в челюсть Тимофеич опередил наглеца.

– Ты убьешь его! – кричали с боков. – Он нужен нам живым!

– Откуда вы его взяли?! – удивлялся Тимофеич. Отворил дверь и вытолкнул наглеца из квартиры.

– Попробуйте только открыть...

– Что ты наделал! – Жена стояла позади и тряслась. – Кто тебя об этом просил! Кто ты такой, чтоб распоряжаться!

Дочь валялась на кровати и рыдала.

– Я вам покажу, кто я такой... – задыхался от гнева Тимофеич. – Кормлю вас, пою вместе с этим удавом...

– Он же пьяный, мама! – оживилась дочь. – Известно теперь, чем он там занимается!

– Точно! Пьяный! – обрадовалась жена. – Как с цепи сорвался!.. А я думаю, с чего это он?

– Работать вам надо обеим. Тогда не будете думать...

Тимофеич вбежал на кухню, кинул шуку в мойку и вышел. Помоют и выпотрошат, кому надо: отныне он не домашняя работница. Вошёл в спальню, разделся. Потом вернулся к двери и с треском запахнул на замок.

– Мы же собирались на дачу! – ломилась снаружи жена. – Позабыл, мерзавец!

– Совершенно облик людской потерял! – помогала ей дочь. – Уходи от нас в таком случае...

Тимофеич опустил в кровать и закрыл глаза. Куда он пойдёт, если в кармане ветер. Отдавая жене все деньги без остатка, Тимофеич остался на мели.

Он тяжело вздохнул, засыпая. Он чувствовал себя идиотом.

Проснулся в четвертом часу, с головной болью и нескончаемой думой о человеческой подлости. Вышел из спальни на кухню и сразу наткнулся на зятя. Тот сидел на диване нога на ногу. Дочь прижалась к нему сбоку и глядела в окно.

Тимофеич налил себе воды, выпил. Жена встала из-за стола и проговорила, словно она была на собрании:

– Николай Тимофеич, нам надо решить раз и навсегда. Пойдём в зал – там и поговорим. Выспался, голова свежая...

Она взяла его под локоть и повела с кухни. Остальные последовали за ними.

– Садись... А теперь скажи, с какой стати ты начал его выгонять? Ты у нас кто? Истина в последней инстанции? Какое ты имеешь право распоряжаться? Что молчишь? Скажи хоть слово.

Однако Тимофеич лишь сидел и моргал. Как жених на собственной свадьбе.

– Он, между прочим, весь больной, – сказала дочь, глядя в глаза своему тунеядцу. – У него копчик болит.

Зять пилочкой поправлял ноготь на правом мизинце – специально, видать, отращивал, чтобы в узких местах ковыряться.

– Если бы у нас была такая возможность, мы бы тоже работали, – продолжала жена. – Но мы никому не нужны. Алик болеет...

– Есть одно сибирское средство, – произнёс Шубин, вставая и глядя в сторону зятя, – сушёный лосиный пенис... Говорят, помогает...

Зять тут же вскинулся, разинув рот:

– Видите, что творится?! Я же ему никто! Пустое место, можно сказать...

Тимофеич вышел на кухню, поставил чайник на плиту, удивляясь поведению домочадцев. Они интересовались только собой. А ведь он не железный...

«Немедленно в гараж! Пока буря не стихнет...» – вдруг обозначилась мысль, но тут же погасла. Тимофеич не стал её развивать. Годы не те, чтобы по сараям мотаться. Впрочем, подумать над этим стоило.

Глава 2

Шпаренко Юрий Викторович, мэр города в настоящем и он же полковник ФСБ в прошлом, торопился на работу. Выбравшись из машины, он вскочил по каменным ступеням на крыльцо, отворил тяжёлую дверь. В вестибюле кивнул охране и побежал дорожкой к себе наверх – на второй этаж.

Рабочий день только что начинался. Предстояло оперативное совещание с главами районных администраций. Юрий Викторович снял с себя куртку и повесил в шкаф. Подошёл к зеркалу, причёсал волосы. Каков молодец! Чёрные волосы – дыбом! Не человек, а лев кудреватый.

Наконец мэр опустился в кресло и нажал клавишу.

– Как у нас с явкой?

– Все на месте, – ответила секретарь. – Можно начинать.

– Тогда попрошу ко мне.

Главы четырёх районов в окружении заместителей вошли в кабинет, расселись вдоль длинного стола и настроились слушать. Они всегда ошибались. Слушать должны были их самих.

Первым слово предоставили главе Ленинского района. Тот встал и быстро отчитался. Проблема у него одна – уборка территорий, парков и скверов. Чтобы приезжий народ, особенно иностранцы, не запинались в центре города. Данные работы шли у него плановым порядком.

Остальные двое говорили примерно в том же духе. У каждого абсолютно всё под контролем. Не спят. Руку держат на пульсе.

И под конец, как обычно, слово предоставили Мореву и приготовились внимательно слушать, заранее зная, что минутой Махал Махалыч не обойдётся. Подобную кличку Морев заработал из-за своей привычки размахивать обеими руками в такт рассуждениям.

– И так, господа! – Морев дёрнул руками.

– Но только короче, Михал Михалыч, – предупредил его мэр и посмотрел на ручные часы. Мэр словно спешил на самолет.

– Не могу короче, уважаемые. Проблем в нашем Заволжском районе много. Прежде всего, хочу вам напомнить, что вся Нижняя Часовня живёт, извиняюсь, в болоте.

– Ниже уровня моря, это мы знаем, – перебил его мэр.

– Ниже уровня водохранилища, – уточнил Морев и спокойно продолжил: – Гидротехническое сооружение, а попросту – дамба, требует к себе постоянного внимания. Смею заметить, что построена она шестьдесят лет назад, и что там живет российский народ.

Шпаренко вновь перебил его:

– Знаем. Что ты нам предлагаешь? Лечь трупами вместо дамбы?! Говорить мы все специалисты...

– Хочу заметить, что это не простое сооружение. Для её возведения соблюдались определенные пропорции и технические условия. «Дамба напорная оградительная» – так называют подобные сооружения. Основное назначение аналогичных сооружений – это защита низменностей в долинах крупных рек и морских побережий от затопления.

– Это нам известно! Вот тоже загнул... Мы все здесь инженеры и отлично понимаем. Что ты хочешь? Ты думаешь, один ты у нас такой, заботливый? Нет? Тогда в чём дело? Опять тебе кажется?

– Вы не представляете, чем это грозит! – напрягся Морев. – Там сто тысяч жителей! Их затопит в течение часа. Особенно, если это случится среди ночи. – И снова рывкнул, как в прошлый раз: – Где средства, которые выделило правительство?!

– Вот именно! – Шпаренко вскинул кустистые брови, в глазах сквозила торопливая радость.. – С этого и надо было начинать!.. Где средства?!

– Да! Где?!

– У Леонида Ильича! У Порошина! – улыбался мэр. – В прошлом году в нашу область пришёл трансферт. В том числе на проведение работ по дамбе...

– Так спросите! Вы мэр! – нажимал Заволжский глава. – Подготовьте официальный запрос. Городскую Думу ориентируйте. Я не шучу: плавать там будем скоро с жабами.

Мэр снова взглянул на часы и развёл руками. Время, отведенное на мероприятие, полностью истекло.

– Извините, – он поднялся из-за стола. – Нет ни минуты свободного времени.

– Вы все-таки подготовьте... – налегал в том же духе Морев, приближаясь к мэру. – Помните, что у нас было? Или вас, извиняюсь, в то время ещё не было. Расскажу... Вы к выходу? Я за вами.

Мэр хмурился, но сделать ничего не мог. Шагал, делая вид, что внимательно слушает. На самом деле слушал через пень колоду. Больше смотрел под ноги, чтобы не запнуться в дорожках, да отвечал кивком на приветствия.

– Короче говоря, во время шторма сорвало баржу и понесло – представляете?! – торопился Морев. – Стальная махина несётся в сторону дамбы... Помню, бетон дрожал под ногами. Пришлось военных из танкового училища вызывать. Подорвали из гранатомета и затопили. Три гранаты израсходовали. Подполковник один стрелял. А теперь посередине размыв пошёл. Под водой. Мы вам докладывали... Во время ветров, когда штормит, эрозия достигает сорока сантиметров...

– За сезон? Ну, так это не страшно. Сорок сантиметров в год... Хорошо. Я учту ваши замечания. Подготовьте проект обращения мэрии к губернатору и законодательному собранию области.

Мэр сунул руку для прощания, прыгнул в служебную машину и отбыл. В Новом городе его поджидали в одной из школ. Специально собрали учеников, родителей. Повод был вполне обыкновенный – окончание учебного года.

Колеса грохотали на разбитом асфальте. Водитель едва себя сдерживал. Наконец прибыли, заметив толпу. Шпаренко развернул к себе зеркало заднего вида, поправил кудрявый чуб и скользнул наружу. Народ ждал своего слугу. Мэр приблизился. Пожал протянутую директрисой руку. Очень рад всех видеть – и к микрофону.

– Уважаемые учителя и их ученики, – начал он речь. – Дорогая Любовь Александровна. Многоуважаемые родители. Я, как и многие другие работники исполнительной власти, душевно рад поздравить вас с окончанием этой даты. Хочу вас заверить, что мы делали и будем делать всё от нас зависящее. Сегодняшнее мероприятие посвящено только вам, и мы надеемся, что так будет всегда. Я тоже учился в школе и помню, как мы сдавали экзамены, а потом ходили в лес. Было темно, кусали комары, но мы всё равно двигались, пока не вышли к реке. Стали купаться. И никто из нас не заболел, потому что все занимались поголовно физкультурой. Позвольте вас ещё раз заверить, что мэрия сделает всё зависящее... И поблагодарить весь коллектив...

Мэр никогда не готовился к выступлениям, считая себя мастером ораторского искусства. Сказал – остальное сами пусть додумывают. Произнеся еще несколько разлапистых фраз, он встал рядом с директором, дергая плечами и головой. Нервное все-таки занятие – выступать без подготовки перед толпой.

– Загляните к нам, Юрий Викторович, – шепнула директорша, сверкая лисьими глазами и поправляя огненно-красные волосы. – Я прошу вас. После торжественной части.

Проговорила и отвела в сторону вороватые глаза. Опять начнёт помощь выпрашивать.

– В принципе, я мог бы, – мэр посмотрел на часы.

– Мы специально готовились. Все-таки школа имени героя России. Коньячок припасли...

Мэр шевельнул ноздрями и косматыми бровями одновременно.

Глава 3

Начальник службы безопасности Осадчий появился на работе в двенадцатом часу, хотя мог вообще не приходить, потому что ночью проверял посты в районе дамбы. Но дома он мучился от одиночества. Он сел за стол и стал копаться в бумагах. Недавно пришёл запрос из странной организации под названием «Вега-плюс». О себе эта организация практически ничего не писала. Однако бывший особист Осадчий не пальцем делан, чтобы исполнять чужие прихоти. Слишком вредной может оказаться спешка. Разве же это не подозрительно, если некто интересуется планами подземных коммуникаций.

Осадчий ещё раз заглянул в письмо. Исходящие данные скудные. Вместо развёрнутого названия – аббревиатура. Звонок в эту организацию не помешал бы, и Михаил Степанович, придвинув к себе телефонный аппарат, набрал номер и стал ждать, однако «Вега-плюс» отвечать не торопилась. Особист повторил набор. «Вега-плюс» молчала как рыба.

Осадчий опустил трубку. Странная организация. Обычно хоть кто-то, но ответит, а тут как в провальную яму попал.

Михаил Степанович вытащил из стола новый телефонный справочник и принялся листать. «Универсальный телефонный справочник» походил на слоёный пирог. Сведения об абонентах давались вперемешку с рекламными объявлениями. И всё же Осадчий нашёл, что искал. Предприятий с таким названием оказалось несколько штук. Располагались они все в разных местах, зато по указанному адресу не оказалось ни одного. Это удивило до глубины души. Он откинулся на спинку кресла, продолжая соображать. И сколько ни думал, приходил всё к тому же. Пусть хоть в ногах валяются – не получают от него сведений. Вначале, как полагают, проверка. Потом принятие решения.

Он встал из-за стола, подошёл к сейфу и вынул ксерокопии подземных коммуникаций. Масштаб один к ста. Заместитель Ахмеров постарался – из архива поднял, размножил. Осталось сопроводительное письмо для этой «Веги» соорудить и подписать.

Осадчий возвратился к столу и вновь стал вращать диск. Не завод, а нищета голая – даже телефон кнопочный поставить не могут.

«Вега-плюс» по-прежнему не отвечала.

Михаил Степанович решил пойти по другому пути. Номер телефона могли изменить. Он набрал «09» и попросил найти номер абонента по адресу, но в ответ прозвучали те же цифры, которые значились в запросе.

«Значит, там все ушли в отпуск, – подумал Осадчий. – До окончания летних каникул. Такое бывает. За границей. В жаркой Италии, например. Так что придется ехать «в поле» и проверять на месте. Заместитель Ахмеров не должен ничего знать. Слишком торопится в последнее время...»

Бывший контрразведчик закрыл дверь кабинета, спустился со второго этажа и на улице столкнулся с Ахмеровым.

– По поводу запроса, – не сдержался он всё же. – Напомни-ка мне, Дмитрий Иванович – что за организация, и какой у них к нам интерес.

– Да зелёные это, – ответил заместитель, вертя головой, словно скаковая лошадь.

– Не понял, разъясни...

– Ну, эти. Которые охраной природы занимаются. Обещали помочь с финансами. Им нужны документы для обоснования своей политики. Их мировое сообщество спонсирует.

– Гринпис, что ли?..

Ахмеров крутнул головой и шаркнул подошвой.

– Он самый...

– Меня не будет. Я в «поле».

– На счёт этих, что ли?

– Ты правильно понял, – сказал Михаил Степанович, с удовольствием отмечая, что ответ явно заинтересовал заместителя. Тот даже ногами дрыгать перестал.

Вишнёвая «Гранта» поджидала хозяина на служебной парковке. Осадчий сел в неё, выехал на улицу Шофёров, повернул направо и пошёл Карасёвкой через болото, потом – на Верхнюю Часовню.

Наступала середина мая. Тополя только что распустились. Смолистые чешуйки лежали по всей округе. Поднявшись на Верхнюю Часовню, он вышел на промышленную площадку. Оттуда повернул на проспект Созидателей – вот вам и Новый город.

На всё ушло каких-то всего полчаса. Искомым адресом оказалось жилое здание в шестнадцать бетонных этажей и с одним подъездом.

Михаил Степанович вышел из машины, включил автосигнализацию, поднялся на крыльцо. Судя по номеру помещения, обозначенному в запросе, офис странной организации располагался на самом верху. Высоко «зеленые» забрались – травяные, изумрудные, малахитовые. Как ни назови – всё один цвет будет. Только бы лифт в «небоскрёбе» работал.

Осадчий приблизился к лифту и плюнул с досады: на двери кабины висела картонка с лаконичной надписью: «Ввиду бесконечных хищений моторов, подъёмная система в ближайшее время работать не собирается. Администрация».

И Михаил Степанович, глубоко вздохнув, медленно поплыл вверх. Хорошо ему, худому и лёгкому. Но каково старушкам? А так же и старичкам? По пути Осадчий настиг одного такого. Тот стоял на четвёртом этаже, тяжело дыша. Приехал, кажись. Клюв нараспашку, как у того желторотого, который выпал из гнезда по случайности.

– Давай, бабушка, помогу, – предложил Осадчий, замедляя ход.

– Это ж надо, чё дается, – изумлялся дед. – Который раз моторы воруют. От дверей. Побирушки нищие. Курвы панихидные...

– Да, – согласился Степаныч. – Курвы и есть.

– Хорошо – я, – продолжал старик. – А почтальоны, которые пенсию носят... Мало того, что риск, а напрягаться же тоже надо.

Дед не помнил подобной жизни. Всё ему было впервые.

– Интересно живем, увлекательно, – бормотал он, задыхаясь. – С нами вообще не соскучишься.

Степаныч взял из его рук сумку и шагнул кверху. Попутчик тут же отлип от перил.

– Надо торопиться, пока носильщик подвернулся, – усмехнулся он.

– Говорят, у вас тут компания объявилась, – сказал Осадчий.

Дед не понял, напрягся. Компания – это как понимать?

– Учреждение... – добавил Осадчий.

– Нету здесь никаких учреждений. Точно известно.

Осадчий вынул из кармана запрос и произнёс:

– «Вега-плюс» называется...

– Нету... Ни плюсов, ни минусов. Какой номер, говоришь?

Осадчий произнёс цифру.

– Поднимешься – сам увидишь, – решительно проговорил дед и надолго замолчал.

Они поднялись до восьмого этажа, и тут попутчик уцепился в сумку железной хваткой.

– Премного благодарен...

Осадчий разжал руку и двинул дальше, понимая, что идёт напрасно. Какой дурак расположит свой офис так высоко! Россия – не Америка! А Новый город – это даже не Санта-Барбара. В здешних местах по низам «гнезда» вьют. Всего шестнадцать этажей, но так высоко, что больше ничего не хочется...

Он добрался до последнего этажа, но так и не встретил заветной таблички. Дверь имеется, а таблички нет. Ни отверстий от шурупов, ни даже светлого промежутка на выцветшей поверхности. Это была обычная дверь из ДВП, о которую местные кошки точили когти.

Осадчий перевёл дух, нажал на кнопку звонка и ничего не услышал. Нажал сильнее – опять тишина.

Степаныч не стал бить в дверь кулаками. Он отошёл к другой квартире, нажал на кнопку и вскоре услышал шаги.

– Кто нас спрашивает? – раздался детский голос. – Дома никого нет, и я не открою.

– Молодец, – обрадовался Осадчий. – Не открывай, только скажи: кто живёт у вас напротив лестницы? Мне сказали, что там парикмахерская... «Вега-плюс» называется.

– Вы ошиблись. Больше не звоните, а то я позвоню в полицию.

Ребенок не шутил. И впрямь молодец. Только так и надо поступать в этой жизни.

Осадчий развернулся и пошёл назад. Ступил книзу и вдруг услышал позади торопливую мелодию. Это мог быть мобильный телефон.

Осадчий стрелой метнулся назад и замер у косяка, напрягая слух. За дверью наверняка было не до него – там смотрели не в глазок, а на дисплей телефона.

– И что из того?.. Вот даже как?! Но для чего это надо было?! – Человек говорил с небольшим акцентом и был недоволен. – Зачем тебе нужен этот спектакль? – Голос удалялся. – Это была твоя идея с запросом! Пока...

Осадчий отпрянул от стены, скользнул к ступеням. Предчувствие не подвело. Надеюсь на всеобщую сумятицу, кто-то желал получить сведения закрытого характера.

Степаныч опустил этажом ниже, прислушался: его никто не преследовал. Тот, что говорил по телефону, возможно, отвлёкся на мгновение от дверного глазка, и этого оказалось достаточно.

Осадчий вышел на улицу, присел на скамью под липами. Для чего они вдруг стали кому-то нужны – старые планы с грифом «Секретно»? Лежали себе мирно в архиве – и вдруг потребовались. Кому?

Особист усмехнулся. Неужели Ахмеров крыса? Однако на что эта крыса надеялась? На всеобщий маразм?

Осадчий мог бы сегодня остаться дома. Но он вышел на работу и благодаря этому точно знал теперь, что не так всё просто вокруг его незатейливой должности. Он вынул из кармана небольшой передатчик и нажал кнопку вызова. Если под машину заложили взрывчатку – обязательно взорвётся. Ни одно электронное устройство не может выдержать подобного дребезжания в эфире. Машина стояла, как и прежде. Осадчий встал со скамьи и подошел к ней. Нагнулся, опершись коленом в асфальт, заглянул под днище с водительской стороны, но там оказалось пусто. Посмотрел с другой стороны – тоже пусто. Заглянул в салон – всё в том же духе. Даже крохотная соринка, оставленная на сиденье, лежит так же. Значит, можно садиться и ехать. И можно доехать до работы или до дома, если тебя не сшибут где-нибудь из гранатомета. Но тогда станет заметной его должность, и об этом станет известно в ФСБ и МВД. Это вряд ли будет на пользу противной стороне. Надо быть совершенно глупым, чтобы не понимать подобного обстоятельства.

Осадчий выехал на проспект Созидателей, добрался до Майской горы и направился вниз, к заводу. Казалось, он знал, как теперь поступать. Он свяжется с местным органом федеральной службы безопасности. И там решат, как лучше поступить. Нельзя пропускать мимо ушей чьи-то очевидные попытки – пусть это будет хотя бы движение «зеленых».

Его передёрнуло от этого слова. Однако, насколько известно, движение «зелёных» не преследует тайные цели. Их идеи открыты для каждого. Они борются за чистоту окружающей среды. Добиваются, чтобы меньше было нефтяных пятен в мировом океане, чтобы воздух был

чист, чтобы не гибла живая природа. Наверняка в городе имеется официальное представительство этого движения. Они всюду.

Осадчий возвращался к себе на работу, но в последний момент передумал. На Карасёвке он перестроился в левый ряд и ушёл в сторону моста. Ему вдруг показалось, что надо обязательно поделиться информацией с компетентными службами. Возможно, это всего лишь заблуждение, и всё обстоит по-другому. Либо существует нечто, о чём до него пока что не довели, о чем знают лишь некоторые.

Он проскочил через мост, поднялся в гору и на первом же перекрестке повернул на улицу Льва Толстого. Опустился среди старинных домов на два квартала вниз и остановился напротив здания с колоннами. Затем выбрался из машины, включил сигнализацию и тут снова поймал себя на мысли, что на то она и кошка, чтобы мыши не донимали. Очень может быть, что именно за этими дверьми затеяли для него проверку – на всякий случай. Возможно, внутри только тем и заняты, что ждут. Там надеются, что Осадчий должен сразиться с какой-нибудь огнедышащей пакостью. Не важно, что полковник теперь на пенсии.

Взгляд у него скользнул вдоль дороги, меж толстых корявых тополей, и ничего подозрительного не заметил, пусто было кругом. Старые ступени бывшего УКГБ выщерблены. На колоннах таблицы с новым названием учреждения. Над ними всё те же, из тёмной бронзы, кронштейны с государственными флагами.

Полковник потянул на себя тяжёлую дверь и вошёл внутрь. Прапорщик в вестибюле устремил к нему взгляд. По какому поводу изволите пожаловать?

Посетитель предъявил пенсионное удостоверение и прошёл внутрь. Однако он не думал идти в пенсионный отдел. На втором этаже он вошёл к заместителю начальника УФСБ по оперативной работе. Полковник Мальчиков читал газету.

– Слушаю вас, – произнёс заместитель, отрываясь от чтения.

– Полковник в запасе Осадчий, – представился Степаныч. – Состою на учёте в вашем управлении в связи с пенсионным делом, хотя до этого служил в другом регионе. Работаю на заводе Урицкого, в службе безопасности. Вопрос у меня следующего характера. Впрочем, может быть, я ошибаюсь...

Осадчий говорил. Мальчиков слушал, шмыгая носом, а под конец спросил:

– И вы решили, что это нам интересно?..

– Именно, товарищ полковник! – на высокой ноте закончил Осадчий.

Мальчиков бросил в сторону посетителя снисходительный взгляд – ещё один Шерлок явился.

– Хотелось бы разобраться... – продолжал Осадчий. – Обыкновенная дамба. Голый бетон и асфальт.

– Может быть, дамба причиняет ущерб экологии? – Мальчиков вновь тянулся глазами к газете. На лице обозначилась откровенная грусть.

– Едва ли, – ответил Осадчий. – Она не грозит никому... Даже лягушкам из Карасёвского болота...

У Осадчева неожиданно возникло презрение к Мальчикову. Полковник считал дни до пенсии, а к нему вдруг пришли с проблемами.

– Знаете, – продолжил Осадчий, – у нас своя служба безопасности, так что, может, мы сами... в рабочем порядке. Дело в том, что дамба до сих пор находится на балансе предприятия...

– А вот это вы напрасно, – Мальчиков откинулся в кресле. – Нам не нужны свободные художники. Запомните: сейчас двадцать первый век, и вы не в группе советских войск в Германии...

Степаныч уцепился за ручку двери и вышел вон из кабинета. Зря только ехал. Он вышел из здания и сел в машину. Кто он такой вообще? Дядя Вася из района Нижние Микитки?

Три деревни, два села. Восемь девок – один я... Восемь девок? Интересно, чем сейчас Шубин занимается.

Осадчий вынул из кармана мобильник и стал давить на кнопки.

– Тимофеич?.. Ты не против, если я к тебе подъеду? Дело на сто тысяч... Договорились.

Он отключил средство связи, тяжело вздохнул. Вот она, кривда жизни, хотя должность начальника службы безопасности вроде бы не такая сложная. Пришел – ушёл. Проверил посты. Доложил генеральному о текущей работе и планах на будущее. Впрочем, какие могут быть планы! Пенсия заработана. Дети взрослые. Жену схоронил. Вакансию супруги занять никто не торопится. Да и самому пока что не до этого. Разве что позже как-нибудь...

Глава 4

Шубин с Осадчим сидели в гараже и вели разговоры на вольные темы – про то, как в одночасье раскулачили целую империю, про то, как хорошо жилось при царях, потом перешли на дела заводские, и Осадчий вдруг запел о своём, наболевшем.

– Они хотят документы. Но адрес пустой... Что это может быть?

– Замануха, – ответил Шубин.

– Подземные тоннели, агрегаты для откачки воды. Там же вода чрез плотину сочится. Достаточно их отключить – и поплыли. Как викинги на галерах...

– На ладьях, – поправил Шубин. – С носами загнутыми... Галеры – это из другой оперы.

Они сидели за столом, накрытом клеёнкой. У стены тикал будильник. На стене висел календарь. Под календарем исходила потом бутылка, вынутая из холодильника, – хозяин гаража расслаблялся, купив самогонку у Голубцова. Одна отрада у человека. И колея у него теперь тоже одна: работа – дача – гараж. И далее по кругу. Посредине бывает, правда, мероприятие, но редко – это когда возьмёт человек и расслабится.

– Он её, этот Саня, через активированный уголь пропускает, – рассказывал Шубин, словно Осадчий только что на свет родился. – Короче, тот же самый процесс очистки, который применяется на спиртзаводах. Только ещё лучше, потому что у них все фильтры забиты. Оттого у них водка говном отдаёт. Из чего её гонят там?

– Из нефти, – заявил Осадчий. – Помнишь органическую химию? Вот. Колбасу можно из нефти произвести – и никто не догадается...

Осадчий остановился, переводя дух. За вторую бутылку взялись. Не слишком ли быстро у них беседа пошла?

– Но я не об этом, – спохватился он. – Я же мыслями хотел поделиться.

– Я что-то не въеду. Давай по новой...

Повтор у Осадчего вновь получился пространный. Пришлось рассказать о своём заместителе Ахмерове. И лишь после этого о звонке мобильного телефона за дверью на шестнадцатом этаже. После этого всё становилось на свои места: за спиной у Осадцева плели непонятные сети.

– Может, Ахмеров нацелился занять мою должность? – предположил он. – Но кто он такой, этот Дмитрий Иванович. Он никогда не служил. Простой инженер-строитель. Работал себе на стройке – так нет, потянуло в охранники. Представляешь? Три месяца всего отработал – и полез в архив... Я ему не верю. Как можно работать с таким человеком?

Шубин вдруг вспомнил о своём и решил поделиться с неожиданным гостем.

– Не хотел я говорить, но придёт. Конечно, это нарушение, и я это понимаю, потому что не положено на работе рыбачить...

– Тебе можно, – прервал его Осадчий, блестя вставленным зубом из жёлтого металла.

– Представь. Стою я в воде, – хмурился Шубин, – а тут черти летят на катере. Вдоль берега... Короче, нахлебался водички, но выбрался. Докладывать, конечно, не стали. Сам виноват. А теперь, после твоих разговоров, вот я и думаю: какого им хрена там надо было? Тоже, может, экологи?

Шубин замолчал, блестя глазами. Поднял бутылку и наполнил рюмки.

– Короче говоря, – продолжил Осадчий, – назревает какой-то фурункул. Придётся опять к генеральному идти. Может, он в курсе.

Тимофеич поднял рюмку:

– Хочу выпить за пингвинов, чтобы им никогда не знать человеческих проблем. И ещё за Северный флот, на котором служил я срочную...

– Кем? – оживился Осадчий.

- Извини, я подписку давал, чтоб никому. Даже в бреду...
- Но теперь-то уж можно. Всё прошло, как с белых яблонь дым...
- Закусывай, Степаныч... Огурчики, помидоры, колбаска, рыбка... Я здесь заночую. Не пойду домой. Не хочу. Дома меня никто не ждет. Зять – стерва. Я, говорит, за своё здесь потею... А ты, говорит, кто такой?
- Серьёзно?
- Это он мне! Офицеру МВД!.. А ведь я хотел его на работу к себе пригласить – у нас же там место стрелка свободное. Но теперь – ни под каким соусом. Прошу тебя, не бери! Я тебя умоляю...
- Осадчий слушал вполуха. Мало ли что происходит в жизни.
- Он у тебя откуда? – спросил он о зяте.
- А хрен его в душу знает... – ответил Тимофеич. – Нашла где-то, притащила в квартиру. Разве же нас теперь спрашивают!
- Это уж точно.
- Ни под каким предлогом. Не бери.
- Осадчий вдруг завёл старую песню:
- Тимофеич, может, ты согласишься?
- Говорю ему, – продолжал Шубин, – пенис лосиный, говорю, пососи – от застоя всего организма...
- Соглашайся, Тимофеич...
- Извини, о чём это мы? Давай выпьем, а потом поговорим. Кем я у тебя буду? Инспектором? А зарплата? А время свободное, чтобы на дачу ездить?.. – Он хлопнул себя ладонью в лоб. – Совершенно из памяти вышибло, потому что с сегодняшнего дня я больше не дачник. Однозначно. Сам себе клятву давал и начисто всё позабыл. Когда выходить?
- Он внимательно посмотрел в глаза Осадчему. Того даже заклинило от неожиданности. Месяц Шубин отказывался – и вдруг согласился.
- У нас зарплату должны прибавить, – обещал Степаныч. – Тысячи на две...
- Хрен с ней. Давай лучше выпьем. За морских львов. А потом за пингвинов... За праведов я пить не желаю, хотя мог бы. Прикинь, по наклонной ползёт один – снизу вверх. И не думает, что соскользнёт.
- Кто таков?
- Юра Буханцев, адвокатишка сраный... Ему кажется, он теперь центр вселенной. Хотя, скорее всего, посадил его кто-то себе... По самые помидоры.

Глава 5

Губернатор области Порошин Леонид Ильич задержался у себя в кабинете больше обычного. Он не любил засиживаться допоздна, прекрасно понимая, что за работой с неизбежностью должен следовать полноценный отдых. Ему за полста. Военское звание – генерал-лейтенант. Леонид Ильич числился за штатами министерства обороны – как лицо, назначенное на выборную должность. Он считал себя выдвиженцем столицы, потому что без помощи некоторых граждан, проживающих там, не удалось бы ему занять этот важный пост.

Леонид Ильич прекрасно понимал, что чужд местному населению. Сами посудите, что он здесь позабыл, если родился на Камчатке, служил по всей стране, в том числе на Кавказе, пока не приземлился на Средней Волге.

Порошин обернулся к окну: на площади стояла угольно-чёрная фигура вождя, протянувшего ладонь навстречу губернатору. Он словно целился в окна: «Смотрите, люди добрые, кого пригрели, кому гнездышко теплое предоставили у косогора!»

За спиной у вождя щетинились елки и липы, зиял обрыв, темнела внизу громадная масса воды, за которой виднелась дамба, старый патронный завод, жилые дома Нижней Часовни, Верхней Часовни, а также гигантская труба ТЭЦ-2. Там располагался громадный Заволжский район.

Леонид много чего обещал, когда шёл на выборы. Говорил, что зимой в домах будет тепло, а в летнее время, особенно в жару, не будут отключать горячую воды. Обещал изучить проблему Нижней Часовни – всю в комплексе, включая задачу с заводской котельной, а заодно обещал разобраться с инженерным сооружением – дамбой. Грозился даже пустить под корень всю местную мафию.

Он много чего обещал. Однако гражданская жизнь оказалась намного сложнее, чем он предполагал. Здесь не возьмешь под козырек и не прикажешь: «Круу-гом! Исполнять без промедления!» Оказывается, мозги требуются на каждом шагу. В армии намного проще – начиная от комплектования подразделений личным составом и кончая продовольственным обеспечением.

На гражданке всё оказалось напротив. Тут всяк норовит сложить фигу и сунуть под самый нос. В общем, совсем никакой субординации. Есть, правда, некоторые, которые беззастенчиво стелются под него – лишь бы Леониду Ильичу было мякотно. Генерал-губернатором в глаза кличут. Вроде как по ошибке или безграмотности. Порошин на подобное обращение молчит: генеральского звания его никто не лишал, хотя должности генерал-губернаторов существовали в далекой истории, причём где-то в далёкой Сибири и ещё, кажется, на Кавказе.

Звонок правительственной связи прозвучал так неожиданно, что губернатор вздрогнул.

– Порошин слушает...

Звонили из финансового министерства. И вновь напомнили о безусловном исполнении финансового поручения. Завели разговор о трансферте.

Губернатор отвечал. Было такое дело. Получали. И давно исполнили, направив на нужды области.

– Но он направлялся на дамбу и мост, Леонид Ильич! Это нарушение финансовой дисциплины!.. Буду вынужден доложить по вертикали! – проговорила Москва и отключились.

– Да хоть по горизонтали, – твякнул в трубку губернатор.

Он даже фамилию клерка толком не помнил. Стояла дамба – и будет стоять. Что ей делается, дура бетонной! Новый мост тоже никуда не убежит, потому что по старому мосту ещё можно ездить. Перетопчутся как-нибудь. А там и выборы подоспеют. Ведь нет никакой гарантии, что снова изберут на должность.

Пискнул телефон внутренней связи. Секретарь доложила о звонке из Колпаковского района. Губернатор взял трубку.

– Порошин слушает!.. День открытых дверей? А по какому поводу?.. Сдача второй очереди коровника? Хорошо. Буду. Обязательно буду у вас. Ну, как же... Хорошо помним о вас. В обязательном порядке...

Не успел положить трубку, как запел сотовый телефон.

– Порошин слушает...

– Папа, к тебе не дозвонишься, как до этого... – гундела доченька.

– Что у тебя? Какие-то вопросы?

– Утром обещал и уже не помнит. В магазин ехать хотели...

– Ты не правильно меня поняла. С мамой отправляйтесь. Пожалуйста, к ней по этим вопросам. Да-да! Я позвоню, чтобы вас встретили и помогли там – выбрать, упаковать, доставить. Значит, ты считаешь, что именно такой надо? Размером со шкаф? Но он не уместится у нас в зале... Хорошо. До связи.

Он опустил трубку. Дочери понадобился настенный телевизор, самый большой. Пусть ставят, если хотят...

Порошин хотел встать из кресла, но тут вновь прозвенел телефон. Леонид Ильич, посмотрев на часы, поднял трубку.

– Здравия желаю, ваше вельможество! – прозвучало в трубке. – Как ваше драгоценное? Головка не болит после контузии...

– Да нет вроде.

– А нижняя? – издевался голос.

– Что вы себе позволяете? Кто вы такой?

– Забыл, Бегемот? Напряги башку: Кавказ, аэродром, раненые... И ты со своей квашней размалеванной. Раненых выкинул – шмотки свои загрузил.

Порошин молчал, разинув рот. Бросить бы трубку, но рука не слушалась. Даже в газетах писали про это перед самыми выборами. Копают кто-то! Даше кличку армейскую вспомнили...

– Что молчим? Скажи хотя бы слово.

– Кто ты?

– Я тот, кого ты выбросил из самолета. Я тот, вместо которого из Чечни улетели твои пожитки. Помнишь зеленые армейские ящики? Или память отшибло?

Голос обращался к нему на «ты» и, как видно, ни в грош не ставил прошлые заслуги.

– Я не выбрасывал, – произнёс губернатор.

– За тебя это сделали другие: ты всего лишь приказал. На моих глазах.

– И что?

– Они все погибли.

– Кто они? – перебил его генерал. – Как их фамилии?

– Так я тебе и сказал, Бегемотина. Если б ты был человек – другое дело.

Наступила пауза. Губернатор бегал глазами по кабинету и не находил слов. Послать бы на три буквы, так это, вроде бы, непристужно для его уровня.

– Пока, Бегемот, – произнёс голос. – Но помни свой грех...

– Да пошёл ты! – выкрикнул губернатор. – Я тебя на кулак намотаю.

– Извини, на кулак сопли мотают. Ты ходи и поглядывай по верхам – вдруг сосулька на голову свалится. Или кирпич.

А на завтра губернатор уже был в одном из сельских районных центров, куда его пригласили на день открытых дверей. Леонида Ильича встретили хлебом и солью: поселку рай-

онного значения исполнилось ровно пятьдесят лет с момента образования как административного центра. В доме культуры собрался народ. Не каждый день в деревню губернаторы приезжают. Местное начальство довольно: «Смотри, народ, и трепещи: по телефонному звонку губернатора вызвали. Так что не надо ля-ля...»

За торжественной частью последовал коротенький концерт, после чего местный олигарх Илья в компании с главой районной администрации Кузьмичом и ещё тремя здоровенными мужиками, похожими на медведей, повезли губернатора на охоту. Илья перед этим ввел губернатора в курс дела: район лесистый, кругом дебри. Болота. Зайцы и лисы. Лось попадается.

Выехали на пяти машинах и через час оказались в самом центре заповедника.

«Остановись и подумай, куда ты приехал. Твой путь лежит в заповеднике», – значилось на жестяном транспаранте, густо усеянном отверстиями от пуль.

Губернатор показал на щит пальцем:

– Непорядок. Надо бы заменить...

– Будет исполнено, Леонид Ильич, – торопливо ответил глава администрации.

Внедорожники продолжили путь. Они колесили среди леса по бездорожью и под конец остановились на просторной поляне. Приземистая широкая изба. Тут же баня и огород. Навстречу вышел высокий мужик лет за тридцать, прогонистый, бородатый. Глаза у мужика, как у дикой рыси, смотрят куда-то всё по бокам. Выходит, что не выдерживает человек прямого взгляда или боится. А волосы отрастил, словно церковный батюшка, собрав резинкой на затылке.

Порошин вздрогнул, встретившись с ним взглядом, – случаются все-таки экземпляры, что оторопь берет.

Гости вошли в дом. По всему залу стоял длинный стол, покрытый светлой скатертью, а по скатерти – разнокалиберные бутылки, сверкающая хрустальная посуда, просторные тарелки с закусками, вилки, ножи и ложки.

– Что вы предпочитаете, Леонид Ильич? – спросил олигарх. А сам без зазрения совести изображает «козу» – большим пальцем и мизинцем. Весьма характерный жест, который не известен разве что на Марсе. Хитро придумали. Охота – это ещё когда будет, а коньяк – вот он стоит. Из холодильника только что вынули.

– У вас что, – оживился губернатор, – электричество есть в лесу? – и расплылся в широкой улыбке. Толстый нос покрылся испариной.

– Так точно! – ответил олигарх-скотовод. – Столбы слегка подправили. А в остальном всё от старого режима досталось. До нас ещё, при социализме, линию провели.

– Хорошо, – отметил Порошин. – Удобства многое значат. Когда я служил в Западной группе войск, приходилось бывать у друзей по блоку. Это надо видеть, я вам скажу... Сервис на самом высоком уровне. Они всегда так жили, не говоря о сегодняшнем дне.

Он замолчал, блуждая глазами по столу, потом продолжил:

– А с охотой я повременил бы. Что у вас водится – олень, кабан?

– Лось, – ответил олигарх.

– Лось? – удивился губернатор и сел во главе стола. – Это который с рогами? Или без рогов?

Плоская шутка вызвала безудержный смех. Всем известно: самец рогатый, а самка рогов не имеет. Оттого и смех. Ловко пошутил гость. Свой парень.

Глава района Сидоров мялся у двери.

– А ты что стоишь, Кузьмич? – позвал его олигарх. И стал шептать тому сквозь зубы, когда тот подошел:

– Тут все свои – хватит жаться.

– Ну...

– Вот твой стул. Садись рядом со мной и не жуй сопли.

Олигарх районного масштаба крепко держал в руках административные вожжи и, как видно, вовсю погонял кобылу исполнительной власти.

В рюмки разливал хозяин избы, мужик с глазами рыси. Наполнил рюмки и отошёл в сторону, словно застолье его не касалось. Его никто не остановил и не позвал к столу.

Губернатор поднял рюмку:

– За что пьём, друзья? За юбилей вашего района?

– За вас! – поднялся Илья. – Чтобы наша власть никогда не беднела на умы! Чтобы не скудела земля русская и давала урожай!

«Эк тебя хватило! – подумал Порошин. – Прямо понесло по губернии...»

– А я хотел бы за мужскую дружбу, – произнёс он. – Знаете, в чём разница между мужчинами и женщинами?

Сельские жители не знали. Они держались пальцами за ножки рюмок, натужно блестели глазами и ждали, когда гость разъяснит.

– Разница в том, что женщины почему-то болеют за мужчин. А мужчины тоже за мужчин. В этом наша принципиальная разница. Так выпьем же за дружбу между мужчинами. И за пятидесятилетие района, соответственно...

– За дружбу!

Хрустальное стекло звонко тенькнуло. Головы медленно опрокинулись к потолку.

– Слава тебе, господи...

– Даст бог, не последняя!

– Закусываем! Друженько! – подгонял Илья. – А потом и на рыбалку. Или лучше на охоту?..

Кузьмич не ко времени вдруг вспомнил про «финансовые пирамиды». И понёс по этому поводу, торопливо закусывая. На него смотрели как на больного.

– Никак не пойму я, – продолжал Кузьмич. – Недавно услышал по телевизору: кудахчет, мол, для народа, а яйца несёт для себя... Это как понимать? Все-таки партийные деятели...

Губернатор покраснел – то ли от конька, то ли от слов Кузьмича. Каков сукин сын оказался. Даром что в безлюдье вырос, хотя должен бы понимать, прежде чем клювом щёлкать.

Илья изо всех сил давил ногой Кузьмичу в башмак и смотрел тому в глаза: «Заткнись, выдвиженец... Нашёл время для дискуссий!»

Губернатор взглянул на часы и сразу же оттопырил губы. Засиделся тут с вами, товарищи дорогие.

– А теперь охота! – обрадовался олигарх.

Мужики встали, потянулись к выходу. Расселись без лишних разговоров в машины и поехали следом за зеленым «уазиком». В нем сидел егерь с рысьими глазами.

На первой развилке «уазик» остановился.

– Кто будет здесь стоять? – спросил егерь. – Ты, Илья? Ну, хорошо. Будь осторожен. По кустам не стреляй.

Тронулись давно неезженным просёлком, прошли с километр и вновь остановились. На этом месте остался начальник УВД Мухлынин.

– Поезжай, – махнул тот рукой перед лицом у егеря, – нечего меня инструктировать... Я сам, если надо, проинструктирую...

Вскоре огромный участок леса оказался перекрытым. В нём образовалось кольцо. А чуть позже загремели, залаяли по-собачьи мужские голоса. Из поросшего ельником лога выскочили несколько лосей и метнулись прочь. Молодняк жался к материнским животам. Лось-самец задрал кверху рога и рысью пошёл сквозь заросли вглубь леса – подальше от стога сена. Стога были смётаны специально для лесных четвероногих на случай зимней бескормицы.

Стадо растаяло среди густых зарослей, словно его никогда не было. Только следы напоминают о них.

Егерь посмотрел в отпечаток копыта. В стаде остался единственный взрослый самец. Только бы не вышел на выстрел. Егерь знал всё стадо наперечёт.

Примерно на середине участка следы разошлись в разные стороны. Егерь двинулся по следу более крупного животного. Следы у того глубоко отпечатывались в сыром подлеске. Егерь даже успел позабыть, для чего бредёт среди леса, как раздалась автоматная очередь. Как раз в той стороне, куда тянулась цепочка следов.

Егерь плюнул с досады, ускорил шаг в сторону выстрелов и вскоре вышел на губернатора. Тот поставил ногу на труп лося и позировал, держа в руках охотничий карабин. Леонида Ильича фотографировали. Автомат, из которого губернатор перед этим стрелял, находился теперь в руках у начальника УВД.

«Быстренько они сошлись на дорожке...» – подумал егерь, обходя стороной и стараясь не попасть в объектив аппарата. И когда вновь посмотрел в сторону добычи, то заметил мощные ветвистые рога. Под выстрел попал хозяин стада.

– Давно я хотел иметь такую добычу, – радовался губернатор. – И фото такое хотелось иметь. Но больше всего – рога лосиные.

Порошин закончил позировать, вернул винтовку Мухлынину и продолжил, захлёбываясь:

– Выходит он на меня, вихляя, – всё, думаю. Промахнусь. Все-таки давно не держал в руках автомат.

– Да-а... – мычал в ответ начальник УВД.

– Но не всё пока что потеряно, – улыбался губернатор. – Руки помнят...

Он оглянулся в сторону егеря и приказал:

– Дай команду, охота закончена. Мы не серийные убийцы – мы государственные деятели, – и уставился на лосиные рога, неожиданно замолчав. Где-то он видел этого егеря – с такими же рысьими глазами. Но где?

Глава 6

– Тебе говорили, что ты хуже всех остальных? – наезжали на Тимофеича жена с дочерью.
– А он у вас пробовал толчёный пенис? – отвечал в том же духе Шубин. – Если нет, то пусть непременно попробует. Как рукой снимет...

Тимофеич сам себя не узнавал. Обычно спокойный, мужик превратился в настоящего вампира. Он словно бы только что открыл глаза на мир, удивился, и не хотел больше их закрывать.

Утро только что началось, а «разбор полётов» был уже в самом разгаре. Нет бы поехать троим на дачу да заняться землёй. Но нет. Воткнулись жалами в самое темечко и тянут оттуда кровь. Капля за каплей.

– Вы закончили? – спросил Тимофеич.

– Нет пока что, – за троих отвечала жена.

– Зато я закончил, – заявил Шубин. – Достали вы меня, можно сказать, до белой глины. Живите себе. Ведите хозяйство, а я на вас посмотрю. Со стороны...

– О чём это он? – удивилась дочь.

– Был рад с вами познакомиться. Пока, – закончил Тимофеич, вышел за порог и хлопнул дверью. Летом он в гараже не замерзнет, баня в районе работает, пищу приготовить тоже есть на чём. Отныне он никому не должен.

Николай Тимофеевич вышел из подъезда и направился в сторону остановки, всасывая воздух раздутыми в ругань ноздрями. Легко быть холостым человеком. Никто тебе в рот не заглядывает, никто тебя на сквернословие не провоцирует. Странно даже, почему он давно об этом не догадался. Бродил мыслями вокруг да около, а до глубины так и не доходил.

Будучи в расстроенных чувствах, Тимофеич решил ехать общественным транспортом. Войдя в троллейбус, он вдруг решил переключить сознание на другую тему, но затея оказалась безуспешной: в голове возникали всё те же лица – жена и дочь, дочь и зять. Либо все трое вместе.

Добравшись до места, он вышел из троллейбуса и пошёл в сторону завода, к административному корпусу. Начальник службы безопасности Осадчий оказался на месте. Он сидел себе за столом как огурец и поглядывал поверх очков. Они поздоровались, словно впервые друг друга видели. Это и понятно – в гараже мы все товарищи, а на работе – сослуживцы.

Осадчий выписал бумажку и отправил Тимофеича в отдел кадров. А уже к обеду Шубин оказался зачисленным в штат заводской службы безопасности. Оставалось лишь пройти собеседование с генеральным директором завода. Тот лично хотел видеть Тимофеича.

После обеда Шубин вместе с Осадчим направились в новый административный корпус. Генеральный директор сидел на месте. На беседу ушло минут пять – где служил, чем до этого занимался, как семья и как дети...

Тимофеич ни словом не обмолвился о том дыме, который в последнее время вился змеиным хвостом над его жилищем. Мало ли чего в жизни случается. Главное, что предлагаемая работа ему знакома. А что не поймёт, так начальство подскажет.

Генеральный поднялся из кресла и пожал Тимофеичу руку.

– Ваша кандидатура меня устраивает, – сказал он. – Идите, работайте...

Осадчий и Шубин вышли от директора и направились через дорогу в старую контору.

– Думаю, надо решить навсегда, – проговорил Осадчий. – Обращаемся друг к другу на «ты» безо всяких. Карьеру мы с тобой давно совершили, так что нечего нам выпендриваться... Можешь меня хоть Степанычем звать, хоть Мишей. Мне без разницы.

– Взаимно... – согласился Шубин.

– Теперь второе, – продолжил Осадчий. – Ахмеров не должен знать о наших отношениях. А мы о нём должны знать всё. Сейчас возьмём план подземных коммуникаций и пойдём на место. Мне самому интересно узнать, что там к чему.

Они вошли в контору, поднялись на второй этаж. Ахмеров торопился по коридору с бумагами под мышкой.

– Зайдите ко мне, Дмитрий Иванович, – произнес официальным голосом Осадчий. – Вопрос надо решить.

Втроём они вошли в кабинет и сели к столу.

– У нас с сегодняшнего дня новый сотрудник, – проговорил Осадчий и указал ладонью в сторону Шубина. – Николай Тимофеевич служил, как и многие из нас. Ты его знаешь по нашей дамбе. Образование у него юридическое. Будет помогать нам в оформлении материалов по кражам, поддерживать отношения с полицией, а также займётся дамбой. Далее, что касается переписки со сторонними организациями, – тоже он будет заниматься. Опыт у него в этой области большой...

Ахмеров тряс в ответ головой, отчётливо понимая, что его слегка отстраняют от дел. А ведь он изо всех сил старался. Каждую бумажку со всех сторон, можно сказать, обсасывал.

– Какие же тогда у меня будут обязанности? – не выдержал он.

– Мы поделим функции. Вы займетесь складами, а также испытательным полигоном. Там у них недостатков хватает. Спят напролёт ночами.

Ахмеров поджал губы. Какие могут быть вопросы, если начальство давно решило.

– Михаил Степанович, – дернулся он, словно только что вспомнил. – Совершенно забыл. Опять звонили из той организации – просили план.

– На кой он им сдался? – вскинул на него глаза Осадчий. – Не спросил?

– Нет...

– А надо бы! – Осадчий отвёл глаза. – Ты в следующий раз спрашивай.

– Хорошо...

– Нам самим не сразу их выдают, – ворчал Осадчий. – А тут подавай каким-то... Я тут заехал по пути, а их и в помине там нет.

– Нет, ну всё же, – Ахмеров повел плечами и вроде как лязгнул зубами. – Официальный запрос...

– Надо будет – новый запрос подготовят. А бумаги у меня в сейфе пусть пока лежат. Так?

– Так.

– Или, может, я не прав? Может, я в чем-то заблуждаюсь?

– Пусть лежат... – сказал треснувшим голосом Дмитрий Иванович.

– Тогда ты свободен, – проговорил с железом в голосе Осадчий. – А мы с Николаем Тимофеевичем пойдём на завод. Представлю его главному инженеру. Посмотрим объекты.

Ахмеров не стал дожидаться, когда ещё раз укажут на дверь. Встал, придвинул стул и вышел.

– Сдается мне, именно он говорил с тем субъектом по телефону, который за дверью торчал, – убавив голос, продолжил Осадчий. – Либо я чего-то не понимаю. Надо что-то придумать.

Он вынул бронзовую печать и приложил к сейфу. Слабая, конечно, защита, но будет хотя бы известно, открывали сейф в его отсутствие или нет.

Они вышли из кабинета и направились на территорию завода. Оказалось, главный инженер завода Меркурьев имел два кабинета – в конторе, возле завода, а также внутри. Вероятно, так ему было удобнее. Старый хрыч хотел находиться ближе к производству.

– Слушаю вас внимательно, – ухмылялся он, глядя серыми выцветшими глазами. И подал иссохшую ладонь. – Каким ветром?

– Дела, – ответил Осадчий.

– Прошу садиться, но помните: минута специалиста стоит намного выше, чем вы думаете, хе-хе. Между прочим...

– Мы по делу, – прервал его Осадчий и представил Шубина, назвав его полные данные.

– Из ваших тоже?

– Отчасти. У меня к вам вопрос, как к специалисту. Некая организация требует выдать ксерокопию плана дамбы. Что вы думаете по этому поводу. Для чего он может понадобиться?

Глаза у Меркурьева блеснули.

– Документ с грифом «секретно», – напомнил Осадчий.

– Честно говоря, я не сторонник разводить бодягу, но в данном случае я бы тоже задумался, как и вы.

– Дело в том, что этой организации нет по указанному адресу, – пояснил Осадчий.

– Тем более...

Меркурьев поднялся из-за стола и подошёл к окну. Вдали желтели широкие заводские ворота и двери проходных. Справа маячила серая вышка часового.

– Вопрос с дамбой скоро будет решён, – сказал он, не оглядываясь. – Мы не имеем к ней никакого отношения... Её отдадут городу

– Понятно, Владимир Николаевич, – произнёс Осадчий, вставая.

– Так что я не стал бы особо переживать, – дополнил главный инженер, улыбаясь и показывая жёлтые зубы. – Охрана тоже будет передана городу...

Оба посетителя вышли из кабинета, спустились вниз старинными чугунными ступенями и направились к проходным.

– Тот ещё тип, – усмехнулся Осадчий. – Ни одного директора, видать, пережил...

– Я что думаю, Степаныч, – оживился Шубин. – Если кому-то нужны эти документы, пусть они их сами возьмут. Зарядим сейф – и пусть наслаждается.

– Чем? – удивился Осадчий.

– Родамином. Берешь бумажонки, патрон специальный – и в сейф. Хлопок – и вся рожа красная. Чем больше трёшь, тем краснее. Либо можно поверху посыпать.

– Потом сам будешь, словно клоун, – усмехнулся Осадчий.

Тимофеич задумался: к дамбе настолько привыкли, что успели забыть – для чего она там построена.

– А если запрос – дело рук журналистов? – подал он идею. – Решили, может, раздуть кадило и теперь ищут, к чему прицепиться.

– Не спорю. И это может быть...

Они вышли через проходную, поднялись в кабинет к Осадчему, разложили бумаги на столе и принялись рассматривать план.

– Это что у нас? – спросил Шубин.

– Трубопровод узкого диаметра.

– Для чего?

– Мазут перекачивают...

Осадчий вынул из ящика линейку, измерил размер сечения и стал считать на бумажном листе.

– Всего сто миллиметров, так что проползти по нему на завод невозможно, – сделал он вывод, откладывая карандаш.

– А здесь что за выемка? – шурился Шубин.

Осадчий вновь ухватился за линейку. Размер – дело наживное. Знай, переводи сантиметры в метры или километры.

– Выемка, выемка... – бормотал Осадчий. – Толщина стен всего восемьдесят сантиметров, зато длина около двухсот метров. Но сверху её не видно, когда находишься на месте. Там же подушка песчаная, а сверху бетон.

– Выходит, намыли песок и на том успокоились. Такое ощущение, что хотели оставить карман... Надо бы сходить нам сюда. – Палец у Шубина упёрся в тоннель. – Насколько мне известно, здесь дежурит смена слесарей. Насосы. Электрические двигатели. Трубопроводы.

Осадчий свернул бумагу.

– Ну что ж... Настало время туда нам сходить... – И добавил горестно: – Словно на чужой территории живём в последнее время.

На машине Осадчева они прибыли на дамбу со стороны старого моста. Стрелок Недобайлов выглянул в окно, но выходить не торопился.

– Открывай, – махнул ему из машины Осадчий.

Однако тот не больно-то разбежался. Поправил на ремне карабин и отошёл от окна.

– Дитя природы... – продолжил Осадчий.

Стрелок вышел из будки и направился к приезжим. Миновал закрытый шлагбаум, приблизился к машине и остановился.

– Всё в порядке, товарищ полковник.

– Вот и замечательно. А теперь открой нам, Павел Михайлович. Ключ с тобой?

Ключа у Паши не оказалось. В самом деле, дитя: выходит, что дальше по воздуху должны лететь проверяющие.

– Отвори калитку!

Осадчий нервничал. Кадры подбирать – его прерогатива. Вот и набрал, получается.

Красно-белая труба между тем поднялась.

– Не говори никому, что мы едем, – велел начальник и включил передачу.

Паша кивнул в знак согласия, состроив на лице подобие улыбки. Машина обошла домик слева и двинулась к центральному посту. Обошла его и остановилась. В окнах было пусто.

– Куда его черти унесли?.. – Осадчий полез из машины.

Они подошли к двери, огляделись, затем поднялись на второй этаж. Набоков Андрияшенька, лежебока окаянный, дремал на стуле, вжавшись в угол.

Осадчий кашлянул – не испугать бы часового. Набоков инстинктивно дёрнулся, лоя спросонья кобуру револьвера.

– Извини, малость потревожили... – Осадчий улыбался. Радость-то какая. Часового на посту нашли – живого и невредимого. И оружие при нём. Висит себе в кобуре.

– Извините, товарищ полковник, больше не повторится, – лебезил Набоков.

– Хоть бы закрылся от греха...

– Вынужден сам на пост выйти, – оправдывался Набоков, глядя в сторону Шубина. – Человека забрали, а взамен никого не даёте. Может, найдёте кого?

– Потерпи, – сказал Осадчий, глядя мимо Набокова. – В конце недели должен выйти один.

– Значит, можно надеяться...

Осадчий посмотрел через окно вдоль берега и стал спускаться вниз. Набоков кинулся следом. И только после этого спустился Шубин.

– Поглядывайте тут... – проговорил Осадчий. – Никакого движения – ни вдоль, ни поперёк. Усвоили?..

Набоков стиснул челюсти, сжал губы. Конечно, он всё понял. И тряхнул в ответ головой.

– Вот и хорошо. Позже мы конкретизируем требования. А инструкцию мы заменим. Если что – докладывайте...

– Понятно...

Набоков кинул взгляд в сторону Шубина. В начальники двинулся, а ведь не хотел. Ни за что, говорил, не променяю свободу на хомут заводского чиновника.

Проверяющие сели в машину и двинулись дальше. Вдалеке маячил на воде тёмный причал. Осадчий с Шубиным остановились и вышли из машины. Осмотрелись. Другие причалы,

возможно, по-другому построены. Из железобетона. Этот – из стальных труб и рельсов, вбитых вертикально. Между ними, крест-накрест, набросан внахлест уголок, а поверху раскинулась стальная площадка из листового металла с ограждением по бокам – вот и весь причал. Он нужен всего два раза в году – когда танкер с мазутом приходит. В остальное время здесь пусто.

Шубин остановился у ограждения и посмотрел вниз. Слабая волна огибала сваи. Свежо на реке, зыбко. Тимофеич напряг зрение: вдоль дамбы в их сторону двигалось судно маломерного флота.

– Опять идут! – восторженно вскрикнул Шубин. Он словно увидел старых знакомых. – Жаль, камней здесь подводных нет...

Катер шёл на пределе мощности. Метров за триста он слегка изменил курс.

– Это они меня искупали! Те самые! – воскликнул Шубин. – И покрутил пальцем возле виска. – Привет вам, придурки!..

Люди в катере словно того и ждали. Один из них развернулся к дамбе. В руках у него темнел автомат. Катер уже миновал причал. На волне его подкинуло, и длинная очередь чиркнула по водной ряби, ударив в бетон под настилом.

Тимофеич ухватил Осадчева за руку и повалился на пол. Они откатились с площадки за дамбу. Очередь вновь ударила. Пули чиркнули снизу по настилу.

– Стараются, суки! – Шубин жался к земле.

Осадчий лежал рядом, держа в руках телефон.

С реки вновь ударила очередь. Ребятам в катера было нескудно – им это нравилось.

По настилу вновь ударила пуля – теперь почему-то сверху – и пошла рикошетом вдоль дамбы, злобно урча. Только после этого донёлся звук выстрела. Кто-то стрелял одиночными со стороны дамбы. Вторая пуля с той стороны звонко шлёпнулась в стальную опору. Лодка взревела и стала удаляться от дамбы, ревя мотором.

– Уйдут, суки! – Шубин достал телефон, нашёл нужный номер и позвонил. В полиции не торопились вникать в происшедшее.

– Уйдут, пока вы чешетесь! – кричал Шубин. – Повторяю: лодка дюралевая! С подвесным мотором!.. А никто и не шутит – здесь серьезные люди. Начальник службы безопасности и старший инспектор... Между прочим, это уже второе нападение...

Он вынул записную книжку и записал время.

Начальник службы безопасности ничего не писал. Его трясло. Со стороны центрального поста с револьвером в руке бежал Набоков. Приблизился и упал на травянистый спуск.

– Кто такие? Какого им надо?..

– Убери ствол, Андрюша. – Шубин косился в сторону револьвера. – Те самые, что меня искупали – понял?

– Ну...

– Так что возьми себе на заметку. И остальным передай.

Набоков опустил пальцем курок и убрал револьвер в кобуру.

– Теперь это... Кто стрелял от моста? – спросил Шубин.

– Недобайлов. Заметил неладное и пальнул пару раз.

– Молодец, Паша...

Шубин поднялся во весь рост. Осадчий подниматься пока не хотел. Прикипел.

– Ушли, Степаныч. Вставай, – сказал Шубин. Подал руку и дёрнул начальника кверху. Тот целиком теперь полагался на своего инспектора.

Втроем они опустились к воде и стали осматривать опоры. Обнаружили пару вмятин от пуль, одну пробойну.

– Позвони Недобайлову, чтобы пропустил группу, а то ведь упрётся, – вспомнил Шубин.

Осадчий набрал номер и велел Недобайлову пропустить группу полиции. Потом вынул пачку сигарет из кармана, закурил. Набоков тоже. Шубин смотрел на них с завистью. Хоть палец соси при такой жизни.

– Дай, Степаныч, сигаретку, – попросил он.

Тот протянул пачку. Шубин раскурил сигарету, затаился и тут же закашлялся.

– Нам, главное, дождаться... – говорил он.

Вскоре подошла дежурная машина отдела полиции. Из машины выбрались двое участковых и оперативный уполномоченный. Следователя с ними не было. Понятых тоже. Следом пришёл ещё один «уазик». Из него вышли женщина-следователь, лет под сорок, а также и сам начальник Заволжского отдела полиции Мигель. И под конец прикатились на лёгкой машине четверо молоденьких в штатском.

Следователь недовольно косилась в их сторону.

– Кто такие? Не мешайте работать.

Ребята предъявили удостоверения УФСБ и, держась обособленно, принялись молча бродить возле причала.

На осмотр ушло около часа. Как и рассчитывал Шубин, с места происшествия ничего не изъяли. Эксперт сфотографировал вмятины со следами от пули и на том успокоился. Следователь бродила пока что среди опор. В одном месте нагнулась к основанию дамбы и сталаковырять пальцем. Внутри оказалась автоматная пуля.

– Достань мне её, – оживилась следователь.

– Чем я тебе? – огрызнулся эксперт. – У меня не бурильный станок.

– Неси чемодан...

Следователь подняла обрезок трубы и, бросив папку на покатый бетон, стала долбить отверстие.

– Ну! Что я тебе говорила?! – сердилась она. – Изымай пинцетом.

Эксперт уцепился за донце пули, вынул её из углубления и положил в пакет.

– На излёте влетела, – сделал он вывод.

– Хорошенько ищите, – подсказывал Мигель. – Где понятые?

– Вон стоят, – кивнула в сторону Осадчева следователь. – Идите сюда.

– Мы потерпевшие, – сухо заметил Шубин.

Следователь и начальник полиции переглянулись: умные, насчёт понятных соображают. А где их взять, понятых, если кругом лишь вода и камень?

Мигель поднялся от реки наверх, подошёл к дежурной машине.

– Волга, Волга, я Петровка – приём...

– Слушаю вас, Петровка, – я Волга...

– Посмотрите там понятых срочно и доставьте ко мне на дамбу – как поняли? Приём...

– Вас поняли...

Ещё через полчаса к месту происшествия доставили двоих мужиков-понятых потёртой внешности.

Осмотрев причал, следователь собралась в отдел полиции. Предстоял допрос свидетелей и потерпевших.

Делать нечего. Надо ехать. Набоков сдал оружие и сел рядом с остальными. Пашу Недобайлова вкратце опросили перед этим на месте и отпустили – его некем на посту заменить. Шубин переживал больше обычного. Нашёл себе работу, от которой волосы дыбом. Надо было бежать с дамбы, а он даже перевёлся, чтобы оказаться в гуще событий. Дебил! Дурак и есть...

Впрочем, одного из троих в этом катере где-то он точно видел.

Глава 7

Алик с Индусом, понутив головы, стояли перед куратором.

– Кто вам позволил, шакалы?! – кричал куратор. – Катер поставить немедленно, где брали, и больше не трогать! Оружие спрятать! Без моего разрешения ни шагу!

– Да пошёл ты, – окрысился Алик.

– Что ты сказал?! Повтори!

Куратор приблизился и с силой вцепился Алику в шею:

– Кому ты смеешь так говорить? Отцу?

– Больше не буду. Прости...

Куратор обернулся к Индусу:

– Чтоб духу твоего больше не было. Ступай...

Куратор был зол, как никогда. Трое помощников, без которых ему не обойтись, совершенно вышли из рамок. Это была орда.

– Вы для чего оружие взяли с собой? Вам для чего катер доверили – по мужикам на дамбе стрелять?

Разговор происходил на лодочной станции, рядом с речным портом.

– Индусу надо на тот берег, – напомнил Алик. – У него нет денег.

– Хоть вплавь пусть добирается...

Индус развернулся и пошагал по набережной. В ночь. Без копейки в кармане. Одна у него была надежда: шеф смилостивится и снова возьмёт под своё крыло. Не может не взять – слишком они повязаны.

На ночь он забился между двумя сараями, рядом с садами по Волжскому косогору, и лег на валявшийся тут же матрас. Было тепло. Индус действительно скоро уснул и даже видел сны.

А во втором часу ночи неожиданно пошёл снег с крупой. Шоколадное тело Индуса покрылось гусиной кожей. Индус материл Зелинского, погоду, а также день, когда сошёлся с матёрым бандитом. Наконец он не выдержал, выбрался из укрытия и двинул вдоль берега, держа на себе истрепанный матрас. Его колотило. Будь у него хотя бы одежда, было бы легче. А то ведь обрадовался теплу, шорты напялил – и успокоился.

Взгляд бегал вдоль берега, усыпанного лодками. Но они оказались все на мощных винтовых замках – не открыть их с налету. Индус лихорадочно искал для себя посудину.

Дощатая старая лодочка лежала у самой воды кверху дном. Давно некрашенная, тёмная, незаметная. Индус кинулся к ней, перевернул. Лодка оказалась на тонкой цепи. Однако эту цепь не порвал бы даже бык. Замок тоже был винтовой. Вместо весла оказалась обтесанная топором грубая доска. Оставалось избавиться от цепи.

Индус вновь бросился по берегу, наткнулся на ржавый обрезок трубы, подхватил и метнулся назад. Сунул с разбегу под стальную поперечину и с остервенением двинул. Поперечина гнулась, сопревшее дерево трещало. Под конец цепь скользнула в песок вместе с поперечиной: на носу у лодки зияли теперь два рваных отверстия приличных размеров.

Индус бросил в лодку весло, упёрся в нос и двинул посудину к воде. Столкнул. Следом бросился сам и стал торопливо грести, радуясь от души.

Но стоило отойти от берега, как лодку стало сносить. Упрямый ветер дул в одном направлении, усиливаясь с каждой минутой.

Прошёл битый час, прежде чем удалось достичь середины водохранилища. Мост темнел рядом чёрной громадиной, за ним светились огни какого-то судна. Казалось, оно целилось прямо в Индуса, и тот прибавил оборотов. Ладони горели, спина трещала от напряжения. Индус греб из последних сил, сухогруз напирал сверху и не думал сбавлять обороты.

– Что ж ты делаешь, паразит! – ударило по ушам. – Тварь непромытая! Самоядь проклятая! Это я тебе говорю – капитан корабля! Пошёл во-о-он!

Индуса вторично посылали за последние сутки. Он усиленно грёб, успел выскочить из-под удара и отойти на приличное расстояние. Но тут его вновь развернуло: крутая волна от сухогруза, идя сбоку, ударила в корму, заставив носом черпнуть воды, вторая добавила, а третья захлестнула окончательно.

Старое дерево едва не шло ко дну. Индус держался за корму и молил создателя, лишь бы утлый челн не ушёл ко дну окончательно. Руки у него тут же задубели. Ветер сносил его вдоль моста к желанному берегу. Там был Заволжский район и квартира за обшарпанной дверью; в ней сейчас спал и видел сны другой участник компании, которого куратор не выгнал.

Лодку прибило у южного примыкания дамбы. В этом месте располагались цеха мостостроителей, стояли плавучие и наземные краны. Между этим участком дамбы и заводским поселком проходила высокой насыпью железная дорога, так что дамба здесь не охранялась.

Индус выбрался из воды и двинул в сторону моста. Ноги мелко дрожали. Ветер дул навстречу и утихать не хотел. Добравшись до будки обходчика, Индус попытался в неё войти, но его не пустил испуганный женский голос.

– Иди, говорят тебе! – кричала женщина. – Ступай, откуда пришел, пока я полицию не вызвала.

– Мне плохо... – мямлил Индус, но женщина оказалась несговорчивой.

– Отойди от будки, иначе охранников позову! Они тебе накостьляют... Пошёл отсюда!

Это был третий случай, когда его послали. Индус перешёл через пустынную дорогу, идущую от моста, шагнул на дамбу и тут спрятался за бетонное основание, обозначающего границу Заволжского района.

На земле лежал снег. Он охладил атмосферу, застав кого в юбчонке, кого в шортиках на голеньком теле. Накануне, когда обладатели юбок и шорт уезжали из дома – была жара, а тут вдруг завернуло.

Индуса трясло. Его словно ветром лихим занесло в Заволжский район – в одной рубашонке, шортах и тонкой ткани поверх головы.

Охранник с дамбы, заметив пришельца, доложил начальнику смены, а тот по цепочке Осадчому. Осадчий прибыл вместе со старшим инспектором Шубиным и стал расспрашивать темнолицего. Человек расположился возле бетонного изваяния и молчал как рыба. Он не походил на человека из здешних краев. Пришлось вызвать полицию.

– Кто таков? – принялись за него два сержанта, прибывшие по вызову к дамбе.

Спросили и ждут. Но, боже ты мой, какая может быть мысль у посинелого бродяги. Тот трясся всем телом, что даже платок съехал на шею.

– Говори!

– Здесь у вас холодно... Вернусь домой – больше никуда не поеду, – щелкал зубами Индус. – Из Индии я.

Сержанты удивились. По-русски шпарит иностранец.

Индуса посадили в машину и повезли в дежурную часть. Осадчий с Шубиным поехали следом.

– Для чего ты приехал? – спрашивал Индуса дежурный. – Где у тебя паспорт?

– На рынке украли. Хотел познакомиться с вашей историей, сходить в мечеть.

– Вот оно что. Религией интересуемся...

Индус едва моргал, закатывая от усталости глаза. Он валился с ног. Хотелось спать.

– Надо задержать его как бродягу, – планировал дежурный. – Пусть поторчит с месячишко в приёмнике.

– Не-е-е! – проблеял Индус. У него вдруг прорезался голос. – Нельзя меня месяц! Я жаловаться буду консульство.

В полиции приуныли. В приёмнике справку потребуют – не болен ли какой-нибудь редкой болезнью. Те ещё тоже деятели.

– Второго иностранца за последние сутки вылавливаем, – сказал дежурный. – И снова голого. Без штанов. Будто он выпал откуда. А может, в карты кому проигрался...

– Приморозило – вот они и полезли со всех щелей, – отозвался помощник.

– Короче, забирайте его себе, – проговорил Шубин, глядя на Осадчева. – А мы пошли. У нас своих дел полным-полно.

– Где вы его нашли? – снова спросил дежурный. – На дамбе? Но что же он дальше-то не поехал? Там и остановки-то нет...

– Могли выкинуть. Из автобуса, – подсказал Шубин.

– Посади его в камеру, чтоб не вонял здесь! – крикнул дежурный помощнику и полез в стол за сигаретами.

– У него, может, СПИД... – куражился помощник. – Он, может, для того и приехал, чтоб заразу здесь разводить...

– Перчатки надень, ошмонай и в камеру. Потом врача ему вызовем.

– Чё ждатель-то... Вызывай прямо сейчас.

Помощник мыслил трезвее. Медики могли забрать несчастного, и тогда вопрос был бы исчерпан – вот как надо решать. Идея сама собой проклюнулась наружу.

Дежурный набрал номер скорой помощи.

– Доставили тут одного. С переохлаждением организма...

Бригада скорой помощи не заставила долго ждать. Дежурный щёлкнул электрическим приводом запирающей двери и пропустил в дежурную часть двоих мужчин в синей униформе.

– Видали экземпляр? До сих пор трясётся... – дежурный поднялся из кресла.

Медики приблизились к объекту. Тот сидел в углу, закатив глаза. Доктор натянул перчатки, уцепился пальцами в запястье и стал смотреть себе на часы. Затем поднял задержанного поочередно каждое веко. Индус замычал.

– Забираем, – решил доктор, не глядя в сторону дежурного. – Действительно, переохладился. Кроме того, истощение.

– Бога ради! – улыбался дежурный.

Медбрат вышел к машине и вернулся с носилками. Разложил их на полу.

– Давайте, мужики, кинем его, – обратился он к офицерам. Сам стоит, пальцами шевелит, перчатки поправляет.

Дежурный бросил на стол авторучку, посмотрел себе на ладони. Марать руки не входило в его планы.

– Помогите им, – приказал он помощнику.

Тот бросился в подсобку, вернулся с черными резиновыми перчатками в руках. Натянул их быстро и схватил доставленного за пятки.

– Поехали...

Медбрат с доктором взяли по одной руке, помощник дёрнул на себя ноги, и подняли индуса над полом. Затем передвинулись к носилкам и вновь опустили.

– Может, хоть есть чем накрыть? – спросил врач.

– Откуда! У нас же не армия спасения, – огрызнулся дежурный. – Поезжайте, пока копыта не откинул... – И помощнику: – Помогите им к машине донести.

Осадчий с Шубиным пока что стояли в коридоре.

– В интересное время живём, Тимофеич, – вздохнул Осадчий. – Когда бы настоящего индийца увидели...

Тимофеич смотрел вслед бригаде медиков. Стрельба. Индусы. Где-то он видел его. Возможно, издали.

Мимо прошёл, возвращаясь, помощник дежурного и посмотрел в их сторону, обдирая взглядом.

– Вы нам таких не возите! У нас здесь не медицинское учреждение!

– Откуда нам знать... Мы обыкновенные граждане.

Помощник махнул рукой и юркнул за дверь.

Время приближалось к восьми утра, дежурная смена в полиции ещё только готовилась к сдаче дежурства. Звонок Осадчева поднял Шубина из постели в четвёртом часу. Этот ранний подъём был ничем не обоснован, поскольку полиция могла обойтись без них?!

– Что будем делать? – спросил Шубин. – Может в кафе, на чашечке кофе?

Входная дверь отворилась. В проеме стоял полковник Мигель, одетый в форменную куртку с капюшоном. Он вошёл в коридор. Дежурный бросился ему докладывать.

– Потом, – отмахнулся от него начальник. – При сдаче дежурства.

Он косо взглянул на Шубина с Осадчим, кивнул и направился к лестничной клетке.

– Не зайти ли нам к этому дяденьке? – подумал Шубин, провожая взглядом полковника.

Они поднялись на третий этаж, подошли к двери кабинета с медной табличкой, на которой было выгравировано: «Начальник отдела полиции полковник полиции Мигель Евгений Солюянович. Приём граждан по четвергам с 15-00 до 19-00».

Шубин открыл дверь и шагнул первым. Осадчий не отставал. Мигель стоял у раскрытого сейфа и тарашил глаза на вошедших, морща лицо.

«Лимоном закусывает, подлец! – рассудил Шубин. – Вон как харю-то скрючило!»

– Слушаю вас, господа... – произнёс тот, утирая губы. – Какие будут вопросы?

Шубин искал глазами, куда бы присесть? Однако хозяин кабинета не спешил предложить им стулья. Вероятно, ему казалось, что вывески на дверях достаточно. Сегодня не четверг, и начальник не намерен тратить служебное время.

Шубин взял один из стульев у стола совещаний и сел, не раздумывая.

– Нам бы узнать, движется наше дело или нет, – сказал Шубин. И Осадчему: – Присаживайся, Михаил Степанович – в ногах правды нет...

Мигель плюхнулся в кресло. Серое лицо зарозовело.

– Что вы имеете в виду? – спросил он.

Шубин взглянул на Осадчева. У того дрожал подбородок.

– Нет, ну как же... – оторопел Шубин. – На нас покушались, стреляли из автомата. Может, тех лиц давно поймали и скоро осудят, а мы до сих пор не знаем... Скажите хоть что-нибудь. Ведь нас чуть не убили. Вы сами были на месте и видели.

– Вообще-то я ничего не видел, кроме причала.

Мигель справился с минутным замешательством.

– Тогда скажите хотя бы – возбуждено уголовное дело или нет?

Мигель сцепил пальцы, побежал глазами по столу.

– Уголовное дело... Материал, насколько я помню, пока что в стадии проверки. Но об этом лучше узнать в следствии.

Осадчий скрипнул стулом, но промолчал. Прошло столько времени, а тут и конь не валялся.

– Так что лучше вам сразу туда... – повторил Мигель.

– Мы бы хотели, чтобы вы сами узнали, – проговорил Осадчий. – Вам это легче сделать.

Режимное предприятие – это вам не пустяк. Звоните...

Мигель нажал клавишу переговорного устройства на столе.

– Игорь Николаевич, как у нас дело по факту обстрела причала? – спросил он и замолчал, слушая. – Выходит, что в стадии проверки? – переспросил. – Понятно. А то тут двое пришли и спрашивают.

Мигель устремил свой пронзительный взгляд в сторону Шубина. Какие могут быть ещё вопросы, когда и так всё ясно – в стадии проверки материал пока что.

Неуручные гости продолжали хмуриться. Какое тут ясно, когда абсолютно темно. С какой целью вдоль берега мотаются посторонние лица? Почему обстреляли? И потом еще этот индус. Выпал, как из гнезда... Прямоком в сугроб.

– Ничего пока не обещаю, – проговорил Мигель, глядя теперь куда-то в бок. – Со временем, может, всё разрешится. Кроме того, хотел бы напомнить, что случай возник на спорной территории, и пока не понятно, кто должен его расследовать. Возможно – мы, а может быть, Ленинский. С их стороны стреляли...

Стул под Осадчим запел.

– Мне смешно, товарищ полковник! – сказал Осадчий. – Кажется, прошли те времена, когда покойников через межевую полосу таскали – лишь бы следствием не заниматься. Может, вы сомневаетесь, что в нас стреляли?

– Я так не считаю, – буркнул Мигель.

– Мало того, что дали уйти подонкам, так ещё и в расследовании отказываете...

– Не по нашей вине, – Мигель оправдывался. – Дежурная часть УВД виновата – к ним претензии...

Тимофеич вскочил со стула:

– Не ожидал я, чтобы свои люди и так относились.

– Судите сами. – Мигель тоже поднялся. – Допустим, возбудим мы дело, а дальше-то что? Их след давно простыл! Вы забыли, на чём они приехали? Водная полиция должна бы заниматься подобными делами. Но, сами понимаете, нет у нас такой структуры.

– Вот и поговорили! – Осадчий, оглядываясь, уже направлялся к двери. – Структуры. Разделение территорий, подследственность. Это всего лишь попытка скрыть преступление от учёта. А ты как думаешь, Николай Тимофеич?

– Аналогично, – ответил Шубин. – Это сокрытие преступления. Чиновники не хотят работать.

Мигель стоял на своем: живы, здоровы, даже не ранены. Если возбуждать дело, то по признакам хулиганства.

– Мало ли дураков на свете, – добавил он. – Решили, может, развлечься.

Шубин был вне себя:

– На них, может, не один покойник висит!

Осадчий в дверях остановился и произнёс:

– Мы все-таки надеемся...

Мигель кивал в ответ, словно лошадь на водопое. Надейтесь! Как на осеннюю слякоть...

Посетители вышли из кабинета и стали спускаться вниз. Кивнув дежурному, вышли на улицу, сели в машину и поехали к дамбе. Под колесами хлюпали остатки жидкого снега. По обочинам лежала белая пелена. Вот тебе и лето. Вот тебе и «вода зацвела».

– Ну и погода, – бормотал Осадчий, крутя баранкой на перекрёстке.

Шубин глядел перед собой, бормоча. Погода дрянь. И климат такой же. А люди – гады! Приспособленцы! Конъюнктурщики! Короче, шкуры.

– Бывало, задержишь за грабёж касатика, а его, не поверишь, – под подписку о невыезде. Естественно, только его и видели.

– Я не служил в вашей системе. Такое ощущение, что всем до лампочки.

– По барабану. Он же сказал, что мы живы. Это он намекнул, чтобы мы радовались, чтобы нос не совали на реку...

– Да-а-а...

– Им же не раскрыть его никогда...

Тимофеич замолчал. Язык устал говорить об одном и том же. Хорошо, что хоть выпросили для себя служебное оружие. У обоих за пазухой теперь пистолеты «ТТ» с двумя снаряженными обоймами, а на ремнях – специальные устройства «Удар». Говорят, подобный «химдым» лошадь валит. В качестве дополнения к «Ударам» купили две маски – на случай газовой атаки.

В отношении оружия Тимофеич сильно сомневался. Дадут по башке – пистолет не успеешь вынуть, не то что затвор передернуть. Было такое уже и не раз.

– Слушай, давай заедем тут к одному, – предложил вдруг Осадчий. – Как раз по дороге будет.

– Кто такой?

– Служили вместе. Давно не виделись...

Глава 8

Вася Шеблонский сидел у себя в кабинете, когда к нему вошло несколько парней. На круглых физиономиях – ни одной морщинки. Здоровые, словно кони, морды кирпича просят. Парни прикрыли дверь на задвижку, сгрудились вокруг стола.

– Слушай сюда, профессор, – утробно буркнул один из них. – Не будешь кормить нас – значит, будешь кормить вшей и тараканов.

Шеблонский немо, с укором почти, смотрел снизу вверх.

– Скажи слово. Может, мы тебе не нравимся? Может, ты хочешь сказать, что у тебя другая крыша?

Вероятно, это был их бригадир. Василий продолжал молчать, как и в прошлый раз. Вымогатели не первый раз к нему заходили. Пока что обходилось уговорами. Его просили уступить часть выручки, обещая взамен прекрасную жизнь.

– Сколько вы хотите? – спросил вдруг Шеблонский.

Главный вымогатель улыбнулся краем губ. Остальные продолжали хранить гробовое молчание – за них говорили мускулы и суровые лица.

– У нас законная крыша, – ораторствовал главный. – У нас все права и полное обоснование проекта...

Ему не дали закончить – в дверь настойчиво постучали, потом ещё, без перерыва. Затем вдруг наступила тишина, и все услышали, как за дверью чавкнули два пистолетных затвора. Абсолютно типичный звук – его ни с чем не спутаешь.

– Ты живой там, Шеблонский? – спросили из-за двери. – Подай голос, Вася!

Главный вымогатель держал палец возле собственных губ, поэтому Вася молчал.

– Считаю до пяти, потом вышибаем дверь! – предупредили снаружи.

– Подождите! – не выдержал Шеблонский и ринулся к двери, но ему подставили ногу, и он упал, растянувшись на полу.

Вероятно, снаружи услышали возню, потому что из-под двери раздалось два хлопка, один за другим, и комната наполнилась сизым дымом. Этот дымок растворился, и в помещении стало нечем дышать. Главарь метался по комнате, как дикий зверь. Подскочил к узенькому зарешеченному окошечку под потолком, но оборвался и упал на пол. Остальные зажимали ладонями лица.

Шеблонский лежал у двери, у самой щели. Оттуда струился свежий воздух. Потом Василий вскочил, отодвинул задвижку: двое мужиков стояли перед ним в масках и с пистолетами.

– Беги, Вася, к выходу, – бубнил один, – но только не умывайся – само пройдёт. Иначе будет ещё хуже. Беги. Мы разберёмся. И вызови срочно полицию.

Голос из-под маски казался знакомым. Однако думать было некогда – Вася бежал сломя голову. Следом за ним к выходу устремились обе продавщицы, почувствовав характерный запах. Одна из них успела оглянуться: те, что были в масках и с пистолетами, свободно вошли и рылись теперь в карманах парней, как в собственных.

Полицейская автомашина, проплакав на углу известную мелодию, остановилась у входа в магазин. Из машины выскочили двое сотрудников. Это оказалась вневедомственная охрана.

– В магазине! Там они все! – послал их Вася, растирая на лице остатки слёз, и сам пошёл вслед за ними.

Осадчий и Шубин понимали, что их могут положить на пол вместе с остальными, поэтому заранее вскинули кверху свои удостоверения. Свои мы, ребята. А вот те, что ползают крабами на полу, это враги.

Полицейские остановились в нескольких метрах от кабинета. Глаза начинало пощипывать, однако концентрация газа значительно снизилась.

– Вставайте, крысы подвальные, – приказал Шубин парням.

В две минуты, с участием полицейских, они отправили бандитов в машину.

– Вам тоже надо ехать с нами, – сказал старший группы.

– Поехали, Вася. – Осадчий подошёл к своей машине. – Чистописанием будем заниматься.

– Я уже сейф собирался открыть, а тут и вы подоспели... – бормотал Шеблонский. – Они же ко мне который раз подъезжают...

Следуя за полицейской машиной, они въехали во двор отдела полиции и вышли из машины. Бандитов подняли по ступеням на крыльцо, нажали на кнопку двери. Замок щёлкнул, дверь отворилась. Задержанные вошли в просторный коридор и остановились, глядя по сторонам.

Старая дежурная смена ещё оставалась на месте. Всё тот же помощник дежурного маячил в окошке, как пёс из подворотни. Увидев Осадчева с Шубиным, он выпучил глаза.

– Зачастили что-то, ребята. Район решили очистить?

Шубин решил промолчать. Человек отстоял сутки, и в голове у него был теперь один ералаш.

Сержанты вовсю шерстили доставленных. Карманы навыворот. Полы курток тщательно щупают пальцами. Пока что пусто, ничего не обнаружили.

Один из задержанных упрямо щурился в сторону Тимофеича.

Поймав на себе липучий взгляд, Шубин отвернулся.

Старший наряда присел к столу и стал писать рапорт. Закончил писать и протянул помощнику. Тот принял, прочитал и нажал на кнопку открывания двери. Полицейский вышел из дежурной части и направился к выходу.

– В салоне посмотри, в машине! – крикнул ему Тимофеич. – Очень тебя прошу...

– Знаю, – огрызнулся тот на ходу.

Ступенями спустилась сверху пухлая женщина лет сорока, остановилась возле дежурной части, перед оконцем, и попросила открыть дверь. Помощник нагнулся к столу, нажал кнопку. Женщина вошла внутрь – и к помощнику, пригнувшись и едва открывая рот.

Тимофеич негодовал. Ему не было слышно, о чем у этих двоих был разговор.

Помощник указал в его сторону, через плечо, большим пальцем, и вновь уткнулся в бумаги. Женщина приблизилась к парням, подозвала одного к себе и села на свободный стул.

– Расшиперилась, птичка... – негодовал Шубин. – А ведь так не должно быть – их разделить надо. Они же сейчас сговорятся...

При таком подходе плакало обвинение горячими слезами. А «наседка» тем временем закончила дело, хлопнула себя по ляжкам и поднялась. Подошла к помощнику, зашептала – и глазами в оконце. Взгляд, как у блудливой козы, что норовит в чужой огород забраться.

Помощник, не глядя, нажал кнопку. Дверь щёлкнула и отворилась, пропуская женщину.

– Это вы их задерживали? – Дама подошла и остановилась, уперев руки в бока. – И за что вы их?

Тимофеич от удивления вскинул кверху брови:

– А вы сами-то, милая, кто будете? – спросил Тимофеич, чувствуя, как забилося сердце.

– Я вам не милая! Я следователь! – вскинулась та.

– Тем более! Нехорошо к незнакомым мужчинам приставать, – усмехнулся Тимофеич. –

Мы с вами разве знакомы?

– Ладно, паясничать. Козлова моя фамилия. Александра Валентиновна... Прошу ко мне в кабинет...

Вчетвером они поднялись на четвёртый этаж, прошли длинным ободранным коридором и столпились возле двери. Следователь вошла первой, уселась за стол с широкой столешницей.

Вошедшие продолжали стоять, но Козлова словно бы не замечала этого обстоятельства.

– Слушаю вас, – шевельнула она головой. Ей словно бы что-то мешало на шее.

– Как вам сказать, – произнёс Шеблонский. – Пришли впятером и требуют, чтоб я их взял на содержание. Нашли себе папу... Это же вымогательство!

– Вам угрожали? У них было оружие?

Козлова откинулась в кресле.

– Что значит – угрожали? Представьте, к вам явятся пять человек и станут диктовать условия...

– Хорошо, пишите заявление. А вы что можете сказать? – Она подняла глаза на Шубина, затем перевела взгляд на Осадчева. – Говорят, вы помогли задержать. Никуда не уходите. Выйдите в коридор. Я вас потом позову...

И осталась один на один с потерпевшим. Допрашивала того чуть не час. Шеблонский вышел из кабинета с запотелым лицом – разве что с носа не капало.

– Крутит, зараза... – он облизнул губы. – Здесь можно курить?

Как оказалось, курильщик подвергается немедленной каре в виде штрафа. В подтверждение этого на стенах висели выписки из закона, а также изображения перечёркнутых сигарет. Однако в коридоре стоял стойкий запах свежего сигаретного дыма.

Вторым к следователю подался Осадчий, а потом очередь дошла и до Шубина. С ним следователь занималась всего двадцать минут. Кто таков? Откуда родом? Что можешь сказать по поводу...

Шубин вкратце пояснил – что и почему. Не относящиеся к делу вопросы, он легко парировал. Сам не один год в МВД парился, хотя всего лишь в ОМОНе.

Козлова не скрывала своих планов относительно перспективы расследования. Доказательств нет никаких, одни домыслы. И под конец объявила:

– Придется ваши «удары» изъять для приобщения к делу.

– Да вы что?! – удивился Шубин. – Разве же это доказательства?! Это средства обороны, которые мы используем в связи с нашей работой!

– Ну...

– Делать вам нечего?!

Он поднялся и направился к выходу.

– Протокол подпишите! – бросила ему вслед Козлова.

Шубин вернулся к столу, расписался.

– Записано с моих слов верно, – диктовала Козлова, – и мною прочитано...

– Но я не читал...

Шубин стал бегать глазами по тексту. Не буквы, а египетская грамота. Пишет, будто она врач. У тех тоже ничего не разобрать. Прочитал и успокоился. Основная мысль ухвачена, а больше и не надо.

– Можно хотя бы надеяться, что их не отпустят до суда? – задал он наивный вопрос.

– Не я решаю, а суд, – ответила Козлова, кося глазами в угол. – Не так просто человека под стражу взять. Особенно, если их много. Участие в группе ещё доказать надо. И вообще, как мне кажется, дело шито белыми нитками.

– Дайте ваш номер телефона, – потребовал Шубин.

– Пожалуйста...

Козлова нацарапала на листочке номер своего телефона.

– Надеюсь, не домашний? – пошутил Тимофеич.

– Ещё чего! – ошетибилась та. Кажется, она не могла шутить. О средствах индивидуальной обороны она уже не вспоминала.

Тимофеич вышел в коридор и тут же разинул рот, не стесняясь:

– Её специально сюда поставили, чтоб дела разваливать. Получается, с умыслом опустилась в дежурку.

– Зря мы, выходит, старались? – От волнения Осадчий сделался меньше ростом.

– Пусть. А мы посмотрим, – зло усмехнулся Тимофеич. – Бросать тень на плетень мы тоже умеем.

– В каком смысле? – не понял Шеблонский.

– И на неё найдётся главный начальник.

Они подошли к лестничной клетке и стали спускаться. Шеблонский переживал больше всех. Его бизнес попал под раздачу.

– Но если ты будешь молчать – тебе же хуже, – прибавил Шубин. – На это они и рассчитывают.

В помещении, в котором сидел помощник дежурного, было пусто. Парней куда-то увели.

– Идем отсюда скорее! – шумел Тимофеич. – Меня тошнит при виде этих стен...

Они вышли на улицу, спустились с крыльца. Шеблонский вздохнул полной грудью.

– На свободу с чистой совестью... – сказал он. – Но если я сегодня не выпью, то со мной станет плохо.

Они сели в машину Осадчева и поехали в обратном направлении. Солнце сияло. Из-под колес летели ошметья талого снега. Вскоре они уже были на Нижней Часовне возле магазина Шеблонского. Магазин располагался в небольшом двухэтажном доме с одним подъездом – как раз напротив завода. Слева и справа от него тянулись вдоль улицы стальные заборы, из-за которых выпирали кроны старых лип, тополей и берёз.

Шеблонский распахнул перед ними дверь магазина.

Шубин продолжал о старом, наболевшем:

– Вспомнил! Точно! Мы как-то в рейде здесь были. Задержали одного и доставили в дежурную часть. Чистое ограбление было. Смотрю, наш грабитель по улицам рыщет. Шурочка дело вела, между прочим! Её так и звали... Шурочка Козлова...

Продавщицы смотрели из-за прилавка, словно их приговорили к вечному поселению на торговом объекте. Тоска в глазах, как у бурёнок.

– Не унывайте, девоньки, – я вам компенсацию выпишу, – метался по магазину Шеблонский. – Только не уходите с работы. Договорились?

Девчонкам по четвертому десятку идет. Куда им отсюда дёргаться, учитывая дефицит рабочих мест?!

Вася скакнул в кабинетик, открыл сейф. Отсчитал деньги и вернулся в зал. Грузчик Федя хмурился из угла, сидя на водочном ящике.

– И тебе заплачу, Фёдор. Иди сюда.

Грузчик, словно бы нехотя, оторвался от ящика и пошёл вразвалку к директору.

– Получи. И можешь идти домой, – проговорил Шеблонский, отворачивая глаза. – Магазин мы закроем. Учёт у нас сегодня...

Он подошёл к прилавку.

– Где у нас табличка? Повесьте на дверь...

Грузчик скинул с себя халат, повесил на гвоздь и пошёл домой. Шеблонский закрыл за ним дверь на крюк и повесил табличку. Осталось лишь сдать объект под охрану.

– Девчонки, поехали с нами, – предложил Вася. – Ничего плохого... Я не сторонник безобразий.

– А куда ехать-то? – спросила одна из них, крашенная блондинка.

– Есть одно место. «Вега-плюс» называется, – проговорил Шеблонский. – В парке на Верхней Часовне, возле воды...

– Надо продукты взять, – согласились продавщицы.

Тимофеич с Осадчим вышли из магазина первыми.

– Слыхал? «Вега-плюс» какая-то. Не та ли? – нахмурился Шубин.

– Посмотрим, – ответил Осадчий

Следом вышел Шеблонский. Осадчий придвинулся к нему и спросил:

– А ты давно знаешь эту организацию, куда мы едем?

– А что?

– Да как тебе сказать... Запросик пришёл и тоже с таким же названием. Стали проверять, а там пусто.

– Это не те. К ним это не относится, – заверил Шеблонский, блестя глазами.

– Тогда поехали.

Впятером они сели в машину Осадчева и отправились на Верхнюю Часовню.

Одну из продавщиц звали Катя, вторую – Людмила. Обе незамужние.

Вскоре они уже были возле парка. Тимофеич давно не бывал в этих местах. У центрального входа стояли фигуры двух комсомольцев, в человеческий рост, из тёмной шлифованной стали.

Центральной аллеей машина прошла вплоть до волжского косогора, у фонтана повернула направо и углубилась в сосновый лес.

– У них вообще-то другая дорога, но тут короче, – объяснял Шеблонский. – Там грузовые ходят, продукцию возят.

Лес расступился, и Тимофеич заметил внизу, у самого берега, просторное здание в два этажа из красного кирпича, огороженное высоким стальным забором, подступающим к самой реке. Вдоль берега пролегал асфальтовый дорога.

– У них там гостевой домик имеется, – рассказывал Вася. – На всякий случай.

– Кому это всё принадлежит? – напрямую спросил Осадчий.

– А бес его знает, – отъехал тот дурачком. – Крутому какому-то. Я беру у них продукцию на реализацию, поэтому мне не отказывают.

Домик для гостей действительно оказался в наличии. Он стоял себе в отдалении, в зарослях ивы. Тут же находился мангал. Отдыхающие выбрались из машины, подступили к мангалу и принялись его разжигать. Какой отдых без шашлыков!

Вася метнулся в контору, собираясь договориться по поводу домика.

Людмила оказалась рядом с Шубиным. Вдвоем они занимались салатом.

Шубин думал теперь о своём. Где его раньше носило? Сидел возле супруги, караулил всю жизнь. И теперь никому не нужен. Ни дочери, ни жене. У них теперь в наличии зять. Один на двоих...

Закуску приготовили. Шеблонский вернулся. Сели за стол с видом на бескрайнее море воды. Вдали темнел серой ниткой противоположный берег, слева желтел песком Пальцинский остров, заросший поверху сосной гривой.

– Вздрогнули, ребятишки? – улыбнулся Осадчий, поднимая стакан нарзана.

Рюмки стукнулись друг о друга и вновь разбежались. Головы пошли кверху.

– Интересно, какой коньяк у Шеблонского? – бормотал Осадчий. – Армянский, пятизвёздочный? Говорят, он пахнет клопами...

– Ты просто не умеешь его нюхать, – парировал выпад Шеблонский.

Вчетвером они прикончили бутылку, заели шашлыком и пошли гулять вдоль побережья, поглядывая сверху на волны. Осадчий от выпивки отказался. Он был за рулём и не хотел портить жизнь ни себе, ни всем остальным.

С реки, нагоняя волну, дул неуютный северный ветер. Одиноко и пусто было вокруг. Только чайки металась в живом хороводе и кричали заполошными кошками.

Глава 9

Вице-губернатор Штенгауэр сидел у себя в кабинете и переживал изо всех сил. Отношения с мэрией в последнее время окончательно испортились. Взаимные обвинения так и сыплются, как из мешка. Главное обвинение – это срыв отопительного сезона и растрата денежных средств. Дело в том, что губернатор, будучи распорядителем трансферта, направил денежку на другие нужды. Как это принято сейчас говорить, случилось нецелевое использование денежных средств.

Зима, слава богу, позади, даже топки успели остыть, однако обвинения продолжались как никогда. Газеты, словно договорившись, писали об одном и том же: заморозил, прикарманил...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.